

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакторъ-издатель Р. С. ЛЯХНИЦКІЙ

№ 147 (1240).

Ревель, 8 іюня 1924 г.

V годъ изданія.

Sisaldaab ESTONICAT

Рис. Г. Г. Рахматовъ.

*Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный:
Къ нему не заростетъ народная тропа...*

1799 — 8 ІЮНЯ (26 МАЯ) — 1924

ВНИМАНИЕ!

ЛУЧШІЕ КОСТЮМЫ И
ПАЛЬТО ИЗЪ ЛУЧШИХЪ
АНГЛІЙСКИХЪ
МАТЕРІАЛОВЪ ШЬЕТЪ

Я. Я. ПУКСВЕРГЪ

РЕВЕЛЬ,

МОРСКАЯ УЛ., № 43. ТЕЛЕФОНЪ 11-79

ВСЕГДА РАЗНООБРАЗНЫЯ НОВИНКИ

МИЛОСТИ ПРОСИМЪ
УБЪДИТЬСЯ ЛИЧНО

Политическое и культурное движение

Стъ акварели художника А. И. Владовскаго для „Последнихъ Извѣстій“.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубъ томъ.
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — цѣпь заводитъ.
Налѣво — сказку говоритъ...

Мысли о Пушкинѣ.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакторъ-издатель Р. С. ЛЯХНИЦКІЙ.

№ 147 (1240).

Ревель, 8 іюня 1924 г.

V годъ изданія.

Памяти великаго русскаго поэта.

Съ благоговѣйнымъ преклоненіемъ
редакція „ПОСЛѢДНИХЪ ИЗВѢСТІЙ“.

125.

*Любовь! Россія! Солнце! Пушкинъ!—
Могущественныя слова! . .
И не отъ нихъ ли на опушкѣ
Намъ распускается листва?*

*И молодѣетъ не отъ нихъ ли
Старѣющая молодежь? . .
И не при нихъ ли въ душахъ стихли
Зло, низость, ненависть и ложь?*

*При нихъ, какъ передъ веишимъ льсомъ,
Оправдываешь, не кляня,
И богохульный флѣртъ съ Дантесомъ —
Змью Олегова коня. . .*

Игорь Сѣверянинъ.

Тойла.

*Да, свѣтозарны и лазорны,
Какъ ты, весенняя листва,
Слова, чьи звуки чудотворны,
Величественныя слова!*

*При звукахъ тѣхъ теряетъ даже
Свой смертоносный смыслъ въ дали
Вѣковъ дрожащая въ предажъ
Посредственная Nathalie. . .*

БОРИСЪ ЛАЗАРЕВСКІЙ.

Мысли о Пушкинѣ.

I.

Большая дорога отъ города Конотопа и до мѣстечка Батурина — почти сплошь песчаная, и въ автомобилѣ или на лошадахъ, хочешь не хочешь, а быстро не поѣдешь. Подъ мѣрное шуршаніе колесъ по песку — хорошо думается. И когда впереди, справа завиднѣется „городокъ“ — высокое, обнесенное землянымъ валомъ укрѣпленіе, гдѣ стоялъ дворецъ Мазепы, — сейчасъ же въ голову приходитъ „Полтава“ Пушкина, а затѣмъ вырисовываются трагическія фигуры и самого гетмана и его враговъ, Кочубея и Орлика...

Не знаю, какъ тамъ теперь, а двадцать лѣтъ

назадъ еще вѣяло стариной, и въ лунную ночь, когда я шелъ по Мазепинскому валу, чудесно блестя въ дали Сеймъ, а слѣва, внизу казался весь голубымъ бѣленькій домикъ Кочубея, на опушкѣ дубовой рощи. И ясно можно было себѣ представить, гдѣ и какъ шла къ своему возлюбленному Матрена—Марія Кочубей. . . Точно кошка кралась она среди высокихъ бурьяновъ, рискуя каждую минуту то услышать за собой погоню изъ отчаго дома, то быть окликнутой усатымъ сторожевымъ казакомъ...

Эту тропинку отъ домика Кочубея до гетманскаго городка, конечно, протоптали хотя и рѣдкіе, но

все-таки бывавшіе здѣсь туристы, — но всегда казалось, что это та самая дорожка, по которой не разъ приходила красавица-панночка къ старику Мазепѣ.

Въ звѣздную ночь здѣсь бывало счастье...

И Пушкинъ, никогда не выдавшій ни Батурина ни „городка“, описываетъ и украинскую ночь и гетманскій замокъ такъ, какъ будто самъ бывалъ здѣсь и будто видѣлъ и бѣленькій домикъ Кочубея, и тополи, и какъ серебрится извивающійся, искрящійся серебряно-голубой Сеймъ...

Здѣсь я самъ былъ три раза въ жизни, но всегда думалъ о Пушкинѣ, и мнѣ приходило въ голову, что душа генія — вѣчна, и что возможно — пролетала здѣсь еще до своего воплощенія, и когда поэтъ писалъ, то не только творилъ, а и бессознательно вспоминалъ...

Когда читаешь монографію Н. И. Костомарова „Мазепа и мазепинцы“, написанную чудеснымъ языкомъ, то все-таки нужно быть очень внимательнымъ, чтобы представить себѣ духовное состояніе тогдашней Украины. Пушкинъ фиксируетъ его тремя словами:

— Украина глухо волновалась...

И въ этомъ геніальномъ „глухо“ онъ угадалъ, что приднѣпровскіе жители не знали и не смѣли рѣшить своей судьбы: къ царю или къ Мазепѣ... Инстинктивно чуяли, что жить самостоятельно — значило бы никогда не имѣть покоя: заѣли бы поляки, а съ юга татары. Говорить же о своихъ желаніяхъ вслухъ было рискованно. И потому Украина волновалась глухо, т. е. родившійся въ Москвѣ потомокъ арапа Петра Великаго угадалъ не только политическую ситуацію, но и самый характеръ народа.

Пушкинъ писалъ также:

— Тиха украинская ночь...

А не „тиха малороссійская ночь“... Точно предвидя, что въ началѣ 20-го столѣтія найдутся люди, которые будутъ говорить: „Никогда и слова „Украина“ не было, а ее выдумали нѣмцы въ 1917 году“...

II.

Въ 1916 году, осенью и зимой, я еще интуитивно, но уже весьма ясно чуялъ, что наступили послѣдніе дни для милаго города — для „Петра творенья“.

И хотѣлось попрощаться.

Въ послѣдній разъ наглядѣться на красоту и культуру русскую, въ теченіе двухсотъ лѣтъ по геніальному почину создавшія незабываемый Петербургъ...

Въ декабрѣ пріѣхала ко мнѣ съ Украины на праздники двѣнадцатилѣтняя моя дочь Зина... Въ ясный, морозный, весь голубой день мы пошли съ ней погулять на старое кладбище Александро-Невской лавры...

Чуть, только для прохода, расчищены мостки, и промерзшее дерево рипить подъ калошами, а кругомъ — снѣгъ, молчаливый, спокойно и радостно, безъ словъ говорящій о вѣчности и красотѣ.

Я шурился отъ его чистоты и бѣлизны и думалъ:

— Никогда и никакіе социалисты и пораженцы не въ силахъ будутъ сдѣлать такъ, чтобы это мѣсто не было для насъ свято отнынѣ и до вѣка...

И я и дочь молчали...

Слова были только на памятникахъ: краткія, но много значущія... Какъ-то инстинктивно мы остановились возлѣ саркофага изъ бѣлаго мрамора. Съ лѣвой стороны мрамора дочь Зина машинально, скороговоркой прочла:

„Графиня Наталія Николаевна Ланская“.

И затѣмъ спросила:

— Папа, а кто она была?..

Я и самъ не сразу сообразилъ — кто... А что-то знакомое услышалось въ сочетаніи этихъ четырехъ словъ: „графиня Наталія Николаевна Ланская“...

Мы обошли памятникъ кругомъ и на другой сторонѣ прочли имя и отчество мужа почившей, графа Ланского.

Тогда я произнесъ:

— Погоди, да вѣдь это — вдова Александра Сергѣевича Пушкина, она послѣ вышла замужъ за Ланского...

Двѣнадцатилѣтняя гимназистка Зина какъ будто не сразу поняла то, что я сказалъ, и только минуты черезъ двѣ спросила:

— Какъ послѣ?

— Послѣ убійства ея мужа.

— Пушкина?

— Ну, да...

— Знаешь, пойдѣмъ отсюда...

И затѣмъ не скоро, когда мы были уже на улицѣ, Зина объяснила свое настроеніе:

— Знаешь, даже не хотѣлось стоять у могилы женщины, которая могла еще выйти замужъ — послѣ Пушкина... Да вѣдь въ сущности изъ-за нея же...

Я постарался объяснить дочери, что вдова поэта обладала однимъ даромъ только — красотой, но была не умна и, во всякомъ случаѣ, не понимала ни гигантской души своего мужа, какъ чело-вѣка, ни силы и значенія его таланта, какъ мірового поэта...

Подъ вліяніемъ этой „встрѣчи“ съ могилой бывшей Н. Н. Гончаровой-Пушкиной-Ланской я много передумалъ о супружеской драмѣ Пушкина и о всей его жизни...

Въ одномъ изъ писемъ къ брату Пушкинъ высказываетъ:

„Любимая моя надежда — увидѣть опять полуденный берегъ и семейство (генерала) Раевского“.

И въ этой простѣйшей фразѣ, и сейчасъ мнѣ кажется, — больше нѣжности и уваженія и любви къ Маріи Раевской, той любви, что проходитъ черезъ всю жизнь поэта, чѣмъ въ его же письмѣ о предстоящей свадьбѣ съ Н. Н. Гончаровой:

„Я пступаю, какъ люди, и, вѣроятно, не буду въ томъ раскаиваться, къ тому же я женюсь безъ упоенія,*) безъ ребяческаго очарованія“...

Въ каждомъ большомъ поэтѣ живетъ всегда не только художникъ, но и провидецъ. Это я наблюдалъ и наблюдаю даже и въ эмиграціи, въ наше весьма непоэтическое время...

И несомнѣнно, что Пушкинъ чуялъ, что для Наталіи Николаевны на первомъ планѣ будутъ „свѣтъ“ и деньги, а на второмъ планѣ — онъ, мужъ. И угадывалъ поэтъ, что Марія Раевская пойдѣтъ

*) Курсивъ нашъ.

за своимъ будущимъ мужемъ и на каторгу, кто бѣ онъ ни былъ.

Такъ оно и случилось.

И, конечно, мысля о Раевской, писалъ Пушкинъ:

... „Но всѣ сокровища Востока
„Не стоять сладостныхъ лучей
„Ея полуденнаго ока...

Любовь — одно, а бракъ — другое.

И я думаю, что декабристу, мужу Раевской, въ арестантской одеждѣ и въ ссылкѣ въ Сибирь жилось легче, чѣмъ Пушкину въ камеръюнкерскомъ мундирѣ и въ блестящей столицѣ...

И только благодаря женитбѣ чортъ знаетъ кто могъ говорить о немъ чортъ знаетъ что...

О немъ, такъ высоко парившемъ надъ мыслями придворной мелкоты, о немъ, любившемъ Россію въ тысячу разъ мощнѣе, чѣмъ каждый изъ поклонниковъ красоты его супруги...

И пришлось принести въ жертву „поэта праведную кровь“ на радость стоявшихъ „толпою жадною у трона“, но ничего не смыслившихъ, въ чемъ заключается дѣйствительное величіе трона Россіи...

Лучшій брильянтъ изъ короны ея, живой брильянтъ украли грязныя руки.

И когда честнѣйшая душа Пушкина отлетѣла, то не всѣ и не сразу сообразили, кого потеряли... А если и сообразили, то не смѣли или не могли ничего сказать...

И только одинъ поручикъ Михаилъ Лермонтовъ чуть не задохся отъ сознанія совершившагося ужаса, но владѣлъ собой до тѣхъ поръ пока — по показанію С. А. Раевского*) — „къ Лермонтову (кажется, въ воскресенье) пріѣхалъ двоюродный братъ его, камеръюнкеръ Столыпинъ. Онъ отозвался о Пушкинѣ не выгодно, говорилъ, что онъ себя неприлично велъ среди людей большого свѣта, что Дантесъ обязанъ былъ поступить такъ, какъ поступилъ...

Лермонтовъ повелъ разговоръ горячо. Онъ и половина гостей доказывали, между прочимъ, что даже иностранцы должны щадить людей, замѣчательныхъ въ государствѣ, что Пушкина, несмотря на его дерзости, щадилъ два государя и даже осыпали милостями, и что затѣмъ о его строптивости мы не должны уже судить. Разговоръ шелъ жарче; молодой камеръюнкеръ Столыпинъ сообщалъ мнѣнія, рождавшія новые споры, и въ особенности настаивалъ, что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что дипломаты свободны отъ вліянія законовъ...

Разговоръ принялъ, было, юридическое направление, но Лермонтовъ вдругъ прервалъ его словами, которыя послѣ почти вполнѣ помѣстилъ въ стихахъ: „Если надъ ними нѣтъ закона и суда земнова, если они — палачи генія, такъ есть Божій судъ!“

В. В. Стасовъ, тогда молодой правовѣдъ, передавая о томъ, какъ читались эти строки въ училищѣ добавляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Наврядъ ли еще когда-нибудь въ Россіи стихи производили такое громадное и повсемѣстное впечатлѣніе“.

И только послѣ этого спохватилась дѣйствительно вся Россія и почуяла, какого сына потеряла...

*) „Академическая бібліотека русскихъ писателей“. Полн. собраніе сочиненій Лермонтова. Т. V, стр. LXIX. 1914.

Уже приближается столѣтіе со дня убійства поэта, а современные палачи генія — все тѣ же... И до смерти Пушкина и Лермонтова и не въ одной только Россіи, да — все тѣ же...

За двое сутокъ до паденія Марата былъ разстрѣлянъ французскій поэтъ Андрэ Шенье.

Видно, съ какимъ безразличнымъ омерзениемъ и тоской отнесся Пушкинъ къ этой выходкѣ французскихъ красныхъ палачей:

„Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ
„На урну Байрона взираетъ,
„И хору европейскихъ лиръ
„Близъ Данте тѣнь его внимаетъ, —
„Зоветъ меня другая тѣнь,
„Давно безъ пѣсенъ, безъ рыданій
„Съ кровавой плахи въ дни страданій
„Сошедшая въ могильну сѣнь...“

И дальше пророчески въ срединѣ этого великолѣпнаго стихотворенія Пушкинъ пишетъ:

„Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
„Единый властвуетъ топоръ...“

Подъ такимъ же топоромъ упалъ и одинъ изъ лучшихъ правнуковъ Пушкина — нашъ Гумилевъ...

Что еще могу сказать о Пушкинѣ я, скромный беллетристъ, въ наши нелѣпые дни?

Могу сказать, что у насъ — и послѣ смерти великаго таланта — его продолжали оскорблять... Какъ-то давно въ Петербургѣ во время одного изъ литературныхъ споровъ о Пушкинѣ вдругъ заговорили о Брюсовѣ...

И сравнивали...

А то кто-то брякнулъ: „Пушкинъ уже отжилъ“...

И хотѣлось тогда крикнуть неимѣющимъ понятія о томъ, что произведенія генія — внѣ смерти:

— Вы... именующіе себя поэтами... Послушайте, да когда не только васъ, а и внуковъ вашихъ забудутъ — имя Пушкина и каждая его строка еще значителнѣе станеть!..

Но чѣмъ пошлѣе человѣкъ, тѣмъ меньше онъ любить и уважаетъ прошлое. И спорить не приходилось...

Лучше бывало попросту разыскать шляпу и уйти...

III.

Иногда я спрашиваю себя: въ чемъ та сила, которая такъ тянетъ къ Пушкину, и благодаря которой онъ, собственно говоря, и по сей день среди русскихъ поэтовъ остается непревзойденнымъ?

И каждый разъ отвѣчаю: въ искренности его.

Вѣдь цѣлыя созвѣздія народились затѣмъ всякихъ поэтовъ, и, не считая Лермонтова, нѣтъ и не было ни одного, равнаго Пушкину...

Многіе изъ нихъ, талантливые, загубили свою карьеру вѣчнымъ желаніемъ что-то „изобразить“, „удивить міръ“, сказать „новыя слова“...

Пушкинъ же пѣлъ, какъ хотѣлъ, и писалъ подъ диктовку только души своей, не считаясь ни съ модой ни съ политикой... И нигдѣ и никогда себя не превозноситъ и ко всей своей фигурѣ скорѣе относится немножко иронически. Можетъ быть, поэтому и свой автопортретъ онъ написалъ по-французски:

Mon portrait.

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature:
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

Oui, il ne fut de babillard,
Ni docteur de Sorbonne
Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.

Ma taille à celle des plus longs
Las! n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas,
Je hais le solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée
Je dirais ce que j'aime encore,
Si je n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui, tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie,
Ma foi, voilà Pouchkine.

Это стихотвореніе помѣщено далеко не во
всѣхъ изданіяхъ.

Съ конца прошлаго столѣтія появляется цѣлый
рядъ людей, отдавшихъ много времени и вниманія
розыску всего того, что могло пролить свѣтъ на
личность и жизнь поэта.

Въ эпоху императора Николая I обстоятельства
были таковы, что Пушкинъ, какъ человѣкъ, волей-
неволей долженъ былъ носить въ себѣ много тайнъ
какъ личныхъ, такъ и политическихъ...

Это угадывалось.

Но приступить къ изысканіямъ въ архивахъ
можно было только послѣ освобожденія крестьянъ,
когда вся жизнь стала либеральнѣе, а самая смерть
поэта уже отошла въ далекое прошлое.

Работа „пушкинианцевъ“ продолжается и до
сихъ поръ и не безрезультатно. Но у нѣкоторыхъ
есть, слышится иногда какая-то сухость въ этой
работѣ. Какъ будто люди изслѣдуютъ не душу

великаго поэта, а опредѣляютъ химическій составъ
глины, изъ которой сдѣланы чудесныя вещи, и дѣ-
лаютъ раскопки съ цѣлью найти мѣста, гдѣ эта
глина водилась...

Таковы изслѣдованія Венгерова.

Что касается современныхъ поэтовъ, то по
отношенію къ Пушкину слышу я въ нихъ любо-
пытство, но не любовь, а у нѣкоторыхъ — просто
отрицательное отношеніе...

Даже наивное непониманіе Пушкина, и они
скорѣе похожи на дѣтей Писарева, чѣмъ на слу-
жителей музъ...

IV.

Единственный изъ современниковъ, для кото-
раго Пушкинъ — не предметъ изслѣдованія, а и по
сей часъ великій поэтъ, великій психологъ, это —
А. И. Купринъ.

Для него нѣтъ Пушкина мертваго и нѣтъ
Пушкина въ прошломъ. Онъ говоритъ о немъ,
какъ о явленіи вѣчномъ.

Убийство же Пушкина и то, что пережилъ
поэтъ въ послѣдніе дни, мучительно интересуютъ
Куприна такъ, какъ если бы дѣло касалось самаго
близкаго ему человѣка...

Недавно онъ мнѣ сказалъ:

— Знаешь, Лермонтовъ оттого хотѣлъ уме-
реть, что не могъ жить безъ Пушкина, онъ слиш-
комъ его любилъ...

Иногда мнѣ кажется, что если Купринъ ничего
не дѣлаетъ — значитъ думаетъ о Пушкинѣ.

Всю жизнь.

Прошлой зимой онъ писалъ мнѣ въ Прагу о
томъ, что хотѣлъ бы пріѣхать и прочесть лекцію
на тему „Послѣдніе дни Пушкина“.

И я убѣжденъ, что изъ такой лекціи слуша-
тель, желающій понять, кто былъ Пушкинъ, вынесъ
бы яркое впечатлѣніе и совсѣмъ ясно представилъ
бы себѣ, какъ умнѣйшій и талантливѣйшій изъ
русскихъ поэтовъ очутился въ заколдованномъ
кругу пошлости и условностей, выходомъ изъ кото-
раго могла быть одна смерть, а отъ руки ли Дан-
теса, или какого-нибудь другого идиота — это
значенія не имѣетъ.

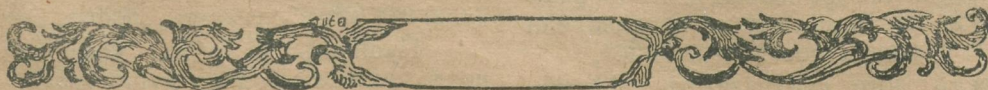
Писать, какъ хотѣлось, — было нельзя, уѣ-
хать — было нельзя... Заставить жену поумнѣть — бы-
ло нельзя... Можно было только вести анимальный
образъ жизни.

Начался отекъ легкихъ души Пушкина...

И врядъ ли съ сожалѣніемъ эта душа отле-
тѣла къ звѣздамъ — въ вѣчность...

Борисъ Лазаревскій.

Парижъ.

Наружность Пушкина. Отецъ Пушкина. Сынъ Пушкина.

1.

Въ Кіевѣ мнѣ пришлось однажды видѣть пьесу Боцяновскаго, гдѣ была изображена послѣдняя жизненная драма Пушкина и его жены, причемъ актеръ, игравшій поэта, загримировался какимъ-то адскимъ бронеютомъ — черноволосымъ, черномазымъ, черноглазымъ. Мнѣ было ужасно странно видѣть этого „Пушкина“, столь походившаго на грека изъ Салоникъ или на переодѣтаго турка изъ Смирны. И я спрашивалъ себя: какимъ образомъ театръ (и хорошій театръ) могъ допустить такую грубую ошибку и показывать это черномазое чучело подъ видомъ сѣверянина Пушкина?

Пушкинъ былъ свѣтлоглазый человѣкъ, съ русыми вьющимися волосами и съ такими же бакенбардами. Отъ негритянскихъ предковъ онъ унаследовалъ только крупныя губы и ничего больше. Во всемъ же остальномъ это былъ типичный русакъ Псковской губерніи.

И, однако же, это мнѣніе о негритянскомъ лицѣ Пушкина чрезвычайно распространено среди образованнаго русскаго общества. Даже и сейчасъ можно встрѣтить страстныхъ поклонниковъ Пушкина, которые, ссылаясь на „Арапа Петра Великаго“, готовы настаивать и доказывать, что африканскій предокъ передалъ поэту свой негритянский обликъ и негритянский цвѣтъ вьющихся волосъ.

Но, къ счастью, въ нашемъ распоряженіи имѣется свидѣтель столь авторитетный, что всякіе споры и разногласія по этому поводу должны разъ и навсегда смолкнуть.

Это — самъ Пушкинъ. Въ лицейскомъ стихотвореніи „Мой портретъ“ (написано по-французски) поэтъ прямо говоритъ о своихъ русскихъ волосахъ и о нѣжномъ (сѣверномъ) цвѣтѣ своего лица.

Это стихотвореніе покойный Венгеровъ считалъ „вновь открытымъ“ и въ шеститомномъ изданіи Эфрона даже поздравлялъ публику съ такой драгоценной находкой.

Но это было очевидное недоразумѣніе, такъ какъ стихотвореніе „Мой портретъ“ было давно извѣстно и за много лѣтъ до Венгерова было напечатано въ дешевомъ (хотя и превосходномъ) изданіи Панафидиной.

Не совсѣмъ правильно судятъ въ публикѣ и о ростѣ Пушкина.

Очень часто его изображаютъ какъ „маленькаго“ и до чрезвычайности подвижнаго, даже юркаго“ человѣка съ вѣчной улыбкой на негритянскихъ губахъ и съ блестящимъ оскаломъ удлинненныхъ, „пушкинскихъ“ зубовъ.

Это тоже не вполне правильно. Пушкинъ былъ небольшого роста, но онъ не былъ „маленькій“, это былъ средній ростъ.

Одинъ изъ портретистовъ, писавшихъ Пушкина (нѣмецъ по происхожденію), имѣлъ обыкновеніе на обратной сторонѣ портрета обозначать въ аршинахъ и вершкахъ точный ростъ оригинала.

Запись нѣмца-портретиста исключаетъ всякую возможность утверждать, что Пушкинъ былъ „маленькій“; онъ былъ именно средняго роста, — кажется, два аршина и 4 вершка. На ту же мысль наводитъ и общій снимокъ-дагерротипъ, на которомъ сняты Пушкинъ, Гнѣдичъ, Крыловъ, Вяземскій. Снимокъ изображаетъ писателей стоя, и Пушкинъ нисколько не выдѣляется среди нихъ своимъ малымъ ростомъ (онъ былъ выше Крылова).

Едва ли основательны и всѣ рассказы о пушкинской „смѣшливости“ и „юркости“.

Въ компаніи друзей, на лицейскихъ годовщинахъ онъ былъ очаровательно

остроуменъ, смѣшилъ другихъ, и самъ охотно смѣялся, — но отсюда очень далеко до „смѣшливости“ и „юркости“. Это прежде всего былъ свѣтскій человѣкъ, умѣющій держать себя съ достоинствомъ во всякомъ обществѣ. И сказать про посятителя англійскаго „клоба“ и камеръюнкера Пушкина, что онъ слишкомъ много смѣялся и проявлялъ даже „юркость“, — значитъ не понимать ни эпохи, ни людей, ни обстановки, среди которой жило свѣтское общество.

Люди, видѣвшіе Пушкина не только въ гостиной, а, на примѣръ, при его дѣловыхъ разговорахъ съ издателемъ Смирдинымъ, отмѣтили даже нѣкоторую сухость и лаконичность пушкинской бесѣды.

Къ этому внѣшнему облику Пушкина, какъ онъ запечатлѣлся въ памяти людей, видѣвшихъ его, можно еще прибавить, что у поэта были изумительно красивыя руки композитора съ миндалевидными, холеными ногтями. На одномъ изъ портретовъ, который сохранялся у сына, Григорія Александровича Пушкина, въ имѣніи Михайловскомъ, эти пре-

Пушкинъ-мальчикъ.
(Совр. гравюра Гейтмана).

лестныя, нѣжныя руки выписаны такъ тщательно, что, очевидно, и художникъ очень живо почувствовалъ красоту этой породистой, изящной и благоуханной руки.

Общему облику пушкинской внѣшности соответствовалъ и характеръ поэта.

Это былъ простой, милый, добрый и доверчивый человекъ, щепетильный только въ дѣлахъ чести и въ своихъ долгахъ.

Въ селѣ Михайловскомъ онъ жилъ со своей старушкой-няней просто и безъ затѣй. Поздно вставалъ, очень поздно ложился, катался верхомъ, много и упорно работалъ и заканчивалъ свой трудовой день скромнымъ ужиномъ печеной картошкой или гречневой кашей.

2.

Общеизвѣстна холодная отчужденность, какая существовала между Пушкинымъ и его отцомъ.

Если сопоставить рядомъ эти двѣ фигуры — отца и сына, — то трудно будетъ даже понять, какъ у такого мелочнаго, сварливаго, далеко неумнаго и во всѣхъ отношеніяхъ плоскодоннаго человека могъ родиться такой сынъ.

Карликъ родилъ титана и до конца дней своихъ такъ и не замѣтилъ ни роста своего сына ни значенія его для родной земли.

Пушкинъ-отецъ гордился своими предками и былъ весьма невысокаго мнѣнія о своемъ потомкѣ:

„Саша“ не умѣлъ сдѣлать карьеру, не умѣлъ понравиться сильнымъ министрамъ, не умѣлъ наживать деньги, хватать чины и „аренды“.

— Какая ужъ это карьера для „шестисотлѣтняго“ дворянина писать стишки?

Пушкинъ-отецъ не понималъ, что это онъ, маленькій отецъ великаго сына, нечаянно зажегъ солнце на русскомъ небѣ и подарилъ Россіи „нечаянную радость“. Ему не приходило даже въ голову, что въ Россіи не было ни одного человека, который въ такой же мѣрѣ могъ бы гордиться своимъ порожденіемъ, какъ онъ, незамѣтный и небогатый помѣщикъ Псковской губерніи.

Если бы Пушкину-отцу сказали, что посмертная слава его сына затмитъ славу Потемкина, Ермолова и графа Зубова, то онъ просто не понималъ бы этого.

Если бы исторія сдѣлала чудо и показала этому маленькому человеку будущее, сопоставивъ земныхъ царей съ царемъ мысли и поэзіи, Пушкинымъ, то бѣдный отецъ сошелъ бы съ ума.

— Какъ, въ „сашиную“ славу потонула слава Николая Павловича, самодержца всероссійскаго?

Не хочется повторять, какъ недостойно вель себя Пушкинъ-отецъ въ дни царской опалы, упавшей, какъ камень съ крыши, на голову сосланнаго сына: какой вздоръ и какія бессмысленныя жалобы губернатору писалъ онъ на родного сына. Все это слишкомъ общеизвѣстно.

Едва ли есть надобность вспоминать и старое — далеко непровѣренное — преданіе о томъ, какъ сынъ дразнилъ скупого отца и на его глазахъ бросалъ въ воду червонцы. Пушкинъ былъ для этого слишкомъ уменъ и никогда не былъ такъ богатъ, чтобы швыряться золотомъ ради такой мелочной цѣли.

Но вотъ фактъ, который говоритъ слишкомъ много.

Пушкинъ-отецъ пережилъ своего гениальнаго сына, но, повидимому, ни эта трагическая смерть ни страшная потеря, какую понесла Россія, не произвели на него особенно замѣтнаго впечатлѣнія.

Уже будучи совсѣмъ старикашкой, беззубымъ и немощнымъ, этотъ человекъ сохранилъ способность влюбляться и безъ памяти врѣзался въ молоденькую, хорошенькую барышню, которая могла бы быть его внучкой.

Конечно, барышня не обращала никакого вниманія на слезливую и слишкомъ запоздавшую любовь старичка и съ беззаботной жестокостью юности издѣвалась надъ нимъ.

Въ литературныхъ архивахъ сохранилось воспоминаніе, что когда эта юная дѣвочка ѣла однажды въ присутствіи Пушкина-отца клюкву и выплевывала шелуху, то обезумѣвшій старичокъ дрожащей рукой подбиралъ эту шелуху и жадно ѣлъ ее своимъ беззубымъ ртомъ.

Очевидно, ни могила сына ни его неотомщенные страданія не оставили въ этой пустой душѣ роковыхъ слѣдовъ.

Старичокъ былъ ниже той роли, которую навязала ему судьба, и въ исторію онъ вошелъ не въ траурной одеждѣ неутѣшнаго отца, а съ клюквенной шелухой во рту.

3.

Теперь уже немного осталось на свѣтѣ людей, которые видѣли, знали и говорили съ сыномъ Пушкина, Григоріемъ Александровичемъ.

Вашъ покорный слуга принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ...

Съ Григоріемъ Александровичемъ я познакомился въ селѣ Михайловскомъ въ концѣ девятидесятихъ годовъ, незадолго передъ столѣтней годовщиной со дня рожденія поэта.

Въ письмахъ Пушкина къ женѣ я читалъ про маленькаго, двухлѣтняго и трехлѣтняго „Гришку“ (такъ называлъ поэтъ своего маленькаго сына), и мнѣ очень странно было увидѣть высокаго и стройнаго старика съ дремучей, сѣдѣющей бородой... Такъ странно, какъ будто я сдѣлалъ скачокъ въ прошлое, и какъ будто это только сейчасъ, на моихъ глазахъ у маленькаго мальчика выросла сѣдая борода.

Былъ „Гришка“-карапузь, едва начинавшій ходить и говорить, — и вотъ предо мной стоитъ и любезно улыбается и перебираетъ пальцами сѣдую бороду старикъ, перевалившій за шестой десятокъ. Какъ будто не было совсѣмъ этихъ шестидесяти лѣтъ, какъ будто они выпали навсегда изъ памяти...

Было большимъ наслажденіемъ пожать руку сыну Пушкина и смотрѣть въ его лицо и искать въ этомъ лицѣ черты того, другого, незабвеннаго лица, котораго никогда не видѣлъ, но которое всю жизнь любилъ и считалъ роднымъ.

— Было ли сходство между ними?

Какъ будто бы очень мало. Мѣшалъ крупный ростъ сына, мѣшала сѣдая борода и старость. Тотъ Пушкинъ, настоящій Пушкинъ, былъ молодъ, а этотъ — старикъ... И такъ мѣшали воображенію тѣ шестидесять лѣтъ, которые лежали между ними. Отецъ — молодой, а сынъ — старикъ, у молодого отца вдругъ старый сынъ... Какая странность... Я не могъ и сейчасъ не могу вообразить себѣ

Пушкина съдымъ, бородатымъ, уже шамкающимъ старикомъ. Онъ ушелъ молодымъ и въ памяти вѣковъ всегда останется молодымъ...

Было бесполезно спрашивать, помнилъ ли сынъ отца... Что могъ удержать въ памяти трехлѣтній мальчикъ, когда на глазахъ его вынесли гробъ съ тѣломъ убитого?

Ничего не могъ удержать. Жизнь отца промелькнула, какъ дѣтскій сонъ, и не оставила никакого слѣда въ трехлѣтней душѣ.

Не оставила тѣмъ болѣе, что рядомъ съ мамой скоро появился другой, новый „папа“, Ланской, и что вмѣсто семьи Пушкиныхъ образовалась новая семья — семья Ланскихъ.

Было бы несправедливо требовать, чтобы въ семьѣ Ланского сохранялся культъ Пушкина. Новые мужья красивыхъ женъ не очень-то любятъ вспоминать своихъ мертвыхъ соперниковъ.

И, можетъ быть, оттого сынъ Пушкина показался мнѣ скорѣе Ланскимъ, чѣмъ Пушкинымъ...

Это я рассказалъ ему за обѣдомъ нѣсколько деталей изъ биографіи поэта, которыхъ онъ не зналъ.

Это я покраснѣлъ, когда, цитируя вошедшіе въ пословицу стихи отца, сынъ ошибочно сослался на англійскаго поэта Шелли.

— Да, Ланской, совсѣмъ Ланской, а не Пушкинъ, — думалось мнѣ.

И не знаю, почему, это сознание было мнѣ горько.

Въ селѣ Михайловскомъ, въ пушкинскомъ домѣ (хотя и перестроенномъ послѣ пожара), на уцѣлѣвшемъ пушкинскомъ креслѣ-качалкѣ сидѣлъ Ланской и перевиралъ стихи Пушкина...

Обидно...

О чемъ мы говорили?

Не столько о Пушкинѣ, сколько о реликвіяхъ, оставшихся послѣ Пушкина.

Осталось кресло-качалка, уцѣлѣлъ послѣ пожара небольшой краснаго дерева столикъ; долго сохранялся въ Михайловскомъ кавказскій кинжалъ, подаренный Ермоловымъ, — но кинжалъ украли г.г. „посѣтителѣ“ и „почитатели“ поэта.

— Садъ въ Михайловскомъ сохранился тотъ же, что былъ и при Александрѣ Сергѣевичѣ?

— Нѣтъ, садъ новый, молодой. Отъ временъ отца въ неприкосновенности сохранилась только аллея, которую вы видѣли при вѣздѣ въ усадьбу...

Я вспомнилъ эти трехсотлѣтнія, съдыя ели, раскидистыя и исполинскія, мимо которыхъ проѣзжалъ, и почувствовалъ, какой теплой нѣжностью наполнилась душа моя къ этимъ старухамъ-елиямъ:

— Конечно, Пушкинъ зналъ ихъ; конечно, онъ любовался ими. Мимо нихъ проѣзгалъ въ аллеѣ его верховой конь, подъ ихъ тѣнью, можетъ быть, не разъ лежалъ на травѣ съ книгой въ рукахъ Александръ Сергѣевичъ, въ русской рубахѣ, которую онъ носилъ въ деревнѣ...

Да, конечно, эти ели видѣли его, и онъ ихъ видѣлъ... Да благословитъ Богъ эти милыя ели!..

Я два дня пробылъ въ этой пушкинской обители. Ночевалъ въ Святыхъ Горахъ, а обѣдать ѣздилъ къ Пушкину... И цѣлые дни твердилъ стихи изъ „Русалки“:

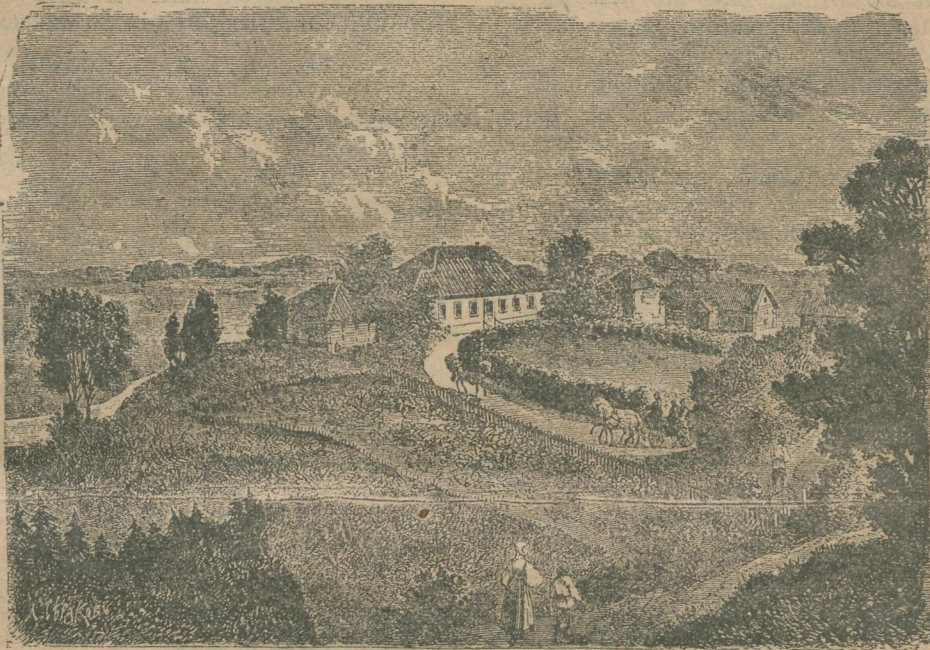
„Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое“...

Тѣ самые стихи, которые и отомъ кто-то переиначилъ для оперы:

„Мнѣ все здѣсь на память приводитъ былое“...

Да, все, рѣшительно все напоминало здѣсь Пушкина...

И этотъ бѣдный, соломою крытый, невзрачный домикъ съ маленькими деревенскими окнами, и эта убѣгающая въ лѣсъ дорога, по которой Пушкинъ въ Петербургъ уѣзжалъ, и это широкое, раздольное озеро, здремавшее среди сосновыхъ лѣсовъ.

Сельцо Михайловское

въ томъ видѣ, въ какомъ оно было въ началѣ 40-хъ годовъ, вскорѣ послѣ смерти Пушкина. Этотъ рисунокъ заимствованъ изъ „Галерея псковскихъ видовъ и достопримѣчательностей“, изданной въ 40-хъ годахъ въ видѣ очень недурныхъ литографій.

Все!

Закроешь глаза и видишь, какъ на крылечко домика вышла старенькая, кругленькая няня, какъ ластится къ ней и виляетъ хвостомъ шаршавый дворовый песъ, какъ кучеренокъ выводитъ изъ конюшни и сѣдлаетъ коня „для барина“... А вотъ, натягивая на руку тугую перчатку, вышелъ на крылечко и Александръ Сергѣевичъ... Легко, красиво перебросилъ въ сѣдло свое молодое тѣло, и застучали въ еловой аллеѣ подковы коня...

Только сынъ, одинъ только сынъ жилъ чужимъ и постороннимъ въ этомъ пушкинскомъ гнѣздѣ...

Не зная, чѣмъ занять неожиданнаго гостя, онъ показывалъ мнѣ свой огромный, заново выстроенный птичникъ...

Изъ вѣжливости я смотрѣлъ и породистыхъ стройныхъ пѣтуховъ съ кроваво-красными гребнями, и блестящихъ селезней, и тяжелаго, какого-то совсѣмъ необыкновеннаго гуся, который все вытягивалъ шею и шипѣлъ при нашемъ приближеніи...

Но въ душѣ я посылалъ къ чорту и пѣтуха и гуся...

Въ Михайловскомъ хотѣлось говорить, думать и грезить только о Пушкинѣ и не о чемъ, кромѣ Пушкина...

И было даже неприятно и досадно, что сынъ, наслѣдникъ такого имени, можетъ говорить о пѣтухѣ, когда вотъ здѣсь, въ двадцати шагахъ, подъ этой бѣдной кровлей его отецъ писалъ „Бориса Годунова“...

Я понимаю, что я былъ несправедливъ къ Григорію Александровичу. Сынъ великаго отца не обязанъ быть великимъ. Одинъ Пушкинъ написалъ „Бориса“, а другой Пушкинъ выросилъ замѣчательнаго пѣтуха—и ничего неожиданнаго, страннаго и „беззаконнаго“ здѣсь нѣтъ... Это — только нормально и житейски-понятно. Кто сказалъ, что Александръ Пушкинъ обязался народить на свѣтъ геніевъ? И кто можетъ требовать, чтобы сынъ былъ равенъ отцу?

Но хотъ и несправедливо это ожиданіе увидѣть въ сынѣ отблескъ отца, а оно живетъ въ каждой душѣ. Безотчетно и наперекоръ разсудку мы всѣ подходимъ къ дѣтямъ великихъ отцовъ съ повышенными, преувеличенными требованіями, и всѣ разочаровываемся... Дѣти въ этомъ не виноваты, но, можетъ быть, и мы не такъ виноваты...

Чтобы сократить пребываніе въ птичникѣ и уйти отъ селезней и пѣтуховъ, я сказалъ Григорію Александровичу, что мнѣ нужно спѣшно написать кое-что въ редакцію газеты.

Мы опять вошли въ домъ, и любезный хозяинъ предложилъ мнѣ бумаги, перьевъ, чернилъ.

— Садитесь и пишите... Кстати же, это — какъ разъ тотъ самый столикъ, который отъ отца уцѣлѣлъ. Это — его столикъ...

Григорій Александровичъ вышелъ, чтобы мнѣ не мѣшать, а я... я не могъ писать на столѣ Пушкина. Внимательно и долго я оглядывалъ этотъ небольшой столикъ краснаго дерева, украдкой погладилъ его рукой, какъ погладилъ бы собаку или кошку Пушкина, и... перенесъ бумагу и чернила на другой столъ.

Что-то мнѣ подсказало, что нехорошо, неприлично мнѣ писать за этимъ столомъ...

И какъ могъ сынъ посадить меня, чужого и посторонняго, за отцовскій столъ? Я бы на его мѣстѣ никогда и никого не посадилъ...

Впрочемъ, тутъ, можетъ быть, сказалась только привычка сына къ отцовскимъ вещамъ. У меня, у посторонняго, чувство благоговѣнія и могло и должно было быть свѣжѣе...

Но тогда по молодости лѣтъ я еще этого не понималъ, и мнѣ все казалось, что сынъ не такъ, не по настоящему чтитъ память отца. Не умѣетъ его любить и не любитъ такъ, какъ любитъ вся Россія.

— Онъ очень мало, только на одну сотую Пушкинъ... Онъ всѣ капельки подобралъ отъ Гончаровыхъ, и душу въ него вдунулъ не Пушкинъ, а Ланской...

Такъ думалось мнѣ тогда, въ мои молодые годы...

Но сейчасъ я вижу, что былъ несправедливъ, и что мое молодое воображеніе не могло и не хотѣло помириться съ тѣмъ, что есть, и требовало невозможнаго, чтобы сынъ походилъ на отца.

Александръ Яблоновскій.

Берлинъ.

ЯРОСЛАВЪ ВОИНОВЪ.

25 лѣтъ назадъ.

Мысли и воспоминанія.

I.

Нѣтъ другого имени, способнаго такъ крѣпко, наглядно и беззлобно соединять русскихъ людей, какъ имя Пушкина.

Вокругъ каждаго другого имени, прогремѣвшаго въ общественномъ шумѣ жизни, въ искусствѣ, въ политикѣ, — какая-нибудь занозинка, придирка, поводъ къ разъединенію.

Даже Толстой. Для многихъ онъ запятналъ себя противоправославной проповѣдью.

Даже Менделѣевъ. Для многихъ на немъ — упрекъ въ „черносотенствѣ“.

Иныя безукоризненныя имена настолько срослись съ своимъ поколѣніемъ, что остаются полувнятыми слѣдующимъ. Тоже — разъединеніе.

Александръ Пушкинъ — внятень всѣмъ на пространствѣ ста съ лишнимъ лѣтъ, всѣмъ дорогъ и близокъ.

Судьба была жестока къ нему при жизни и насильно вычеркнула его изъ списка живыхъ въ тѣ годы, когда, уже великій и зрѣлый поэтъ, Пушкинъ

становился зрѣлымъ человѣкомъ и мѣнялъ красоту и блескъ своей благословенно-долгой юности на ясный и яркій свѣтъ умудренности.

Но этимъ жестокимъ ударомъ судьба же сохранила поэту молодость въ вѣкахъ, завѣщала ее поколѣніямъ.

На имени Пушкина ни для кого нѣтъ упрековъ:

— Признавшійся въ своихъ чувствахъ царю единомышленникъ декабристовъ, Пушкинъ — внѣ досаднаго историческаго недоброжелательства „правыхъ“.

— Камеръюнкеръ Двора и пенсіонеръ Николая I, христіанинъ и патріотъ, Пушкинъ — внѣ тупого преслѣдованія со стороны „лѣвыхъ“.

„Грѣхи“ Пушкина для всѣхъ — порывъ и неудержимость юности.

А юность мирить.

Недаромъ въ лѣтописяхъ „русской общественности“, полной на каждомъ шагѣ злобныхъ интеллигентскихъ, узко-партийныхъ подковырокъ, свѣтлымъ праздникомъ единенія всѣхъ политическихъ

и литературных течений осталось открытiе памятника Пушкину въ Москвѣ.

Это былъ триумфъ Достоевскаго, котораго послѣ недавней травли за націонализмъ и монархизмъ въ тѣ дни вновь полюбила и горячо привѣтствовала „интеллигентная толпа“.

— Примирить Пушкинъ.

Даль широту взгляда узкимъ, даль русское сердце тѣмъ, кто „идейно“ штамповалъ себя и свои взгляды на западный манеръ. Достоевскій только выразилъ пламенными словами то, что было недослышано въ творчествѣ Пушкина взрослыми и молодежью, питавшимися писаревской публицистической мякиной.

Тысячи такихъ же — пусть болѣе мелкихъ — примиреній всегда наполняли жизнь русской души и наполняютъ теперь, когда 125-лѣтняя дата рожденія поэта празднуется въ поработанной Россіи и за ея рубежомъ.

Мирить Пушкинъ, потому что его имя говоритъ о Россіи и о юности.

II.

— Россія и юность!

Моя Россія и моя юность, вѣрниѣ дѣтство, съ солнечной, майской яркостью встаютъ передо мной при воспоминаніи той же пушкинской даты—26 мая—двадцать пять лѣтъ назадъ, когда вся Россія, тогда счастливая и единая, праздновала столѣтіе дня рожденія своего великаго поэта.

* * *

Уже нѣсколько мѣсяцевъ нашъ домъ живетъ „пушкинской лихорадкой“.

Коллекціонеръ и библиографъ, мой отецъ всѣхъ насъ отъ мала до велика заразилъ этой веселой и „сладкой“ болѣзнью. „Сладкой“ — въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова:

Къ ужасу матери каждый день въ наши гимназическіе желудки поступаетъ безконечное количество конфетъ, карамели, пастилы, монпансье... Намъ — сладкое, а „пушкинскія“ коробки и конфетныя бумажки — въ кабинетъ отца, гдѣ онѣ тысячами заботливо наклеиваются на папки коллекцій.

Каждый изъ насъ — коллекціонеръ: несемъ улыбающемуся, обрадованному отцу найденную гдѣ-нибудь въ лавочкѣ на Забалканскомъ или на 12-ой линіи кружку съ портретомъ Пушкина, бабій платокъ, пепельницу, календарь, спички...

А почтальонъ каждый день выкладываетъ на столикъ въ передней кипу газетъ со всей Россіи, брошюрокъ, литографій, журналовъ...

— Смотри-ка изъ Владивостока и изъ Вѣрнаго!

Въ 1899 году экзамены были раньше. Раньше „изъ-за Пушкина“ отпустили на каникулы, и мы ждали ихъ, какъ никогда обыкновенно: къ лѣту отцовская „пушкинская лихорадка“ дарила насъ... Михайловскимъ и Святыми Горами.

Лѣто — въ Псковской губерніи.

Пусть за сто съ лишнимъ верстъ отъ „пушкинскаго уголка“, въ окрестностяхъ котораго нельзя было и думать обосноваться на лѣто въ этомъ юбилейномъ году — столько пріѣзжихъ на торжественныя празднества, — но зато съ небывалымъ удовольствіемъ:

— Поѣздка на лошадахъ въ Святыя Горы.

Тысячи людей совершили паломничество къ Пушкину, и сотни изъ нихъ оставили описаніе своей поѣздки. Мнѣ не повторяться послѣ нихъ и не соперничать съ тѣми, кто выискивалъ „старожитовъ“, помнившихъ Ляксандра Сергѣича, и записывалъ съ ихъ словъ „воспоминанія“.

Не такой поѣздкой, сначала въ поѣздѣ, потомъ 65 верстъ на почтовыхъ — всего нѣсколько часовъ — была та наша поѣздка двадцать пять лѣтъ назадъ.

Эта поѣздка „къ Пушкину“ была Россія и юность.

Таковыми же были и нѣсколько моихъ пѣшихъ походовъ въ Михайловское въ болѣе взрослые гимназическіе и студенческіе годы.

III.

Нѣсколько дней мы съ тревогой забѣгали въ конюшню:

— Не загнило ли копыто у стараго или у молодого Орлика? Не похуѣли ли лошади?

Сдѣлать около 300 верстъ въ оба конца представлялось прямо фантастическимъ дѣтскому уму петербургскаго мальчугана, выросшаго „на дачѣ“.

Триста верстъ по проселкамъ и шоссе, съ ночлегами въ деревняхъ, съ веселыми разспросами не всюду ясной дороги, это — возвратъ къ исчезнувшему прошлому Россіи, ко временамъ Онѣгина, такимъ милымъ въ воображеніи и такимъ чарующимъ, когда за плечами — только одиннадцать лѣтъ, надъ головой — весеннее солнце, и вокругъ — безграничная Россія.

„Пушкинская лихорадка“ приняла новую форму. Незамѣтно для себя мы и о Пушкинѣ забыли. Хотѣлось растянуть удовольствіе поѣздки — не скорѣе поспѣть, а подольше ѣхать.

Всѣ привычки — вверхъ дномъ.

— Въ семь часовъ ихъ собаками не разбудишь, а тутъ въ пять поднялись! Да чѣмъ я васъ сейчасъ кормить буду? Ждите!

На кухарку, прежнюю няньку, — махъ рукой.

Съ улыбкой теперь вспоминается, сколько колесной мази мы извели тогда на два тарантаса, еще и не тронувшись съ мѣста, сколько разъ съ тревогой умоляли деревенскаго кузнеца сказать правду, выдержитъ ли наново скованная имъ передняя ось, сколько карандашныхъ линій оставили на злосчастной картѣ-пятиверсткѣ, изученной-переизученной указательницѣ нашего пути.

Сейчасъ улыбаешься, а тогда можно было прійти въ отчаяніе, если хитрому конюху взбредетъ въ голову, что раскормленный до неприличія Орликъ „чего-то отошалъ“.

Наконецъ, поѣхали.

Веселый, полный шутокъ и смѣха дневникъ двухнедѣльной поѣздки можно было бы дать и теперь, двадцать пять лѣтъ спустя. Но этотъ дневникъ былъ бы цѣлой книгой — настолько большимъ для смѣющагося дѣтства было самое малое:

— Купанье въ попавшейся по дорогѣ рѣкѣ Синей, ночлегъ на сѣновалѣ въ одной, въ другой деревнѣ, импровизированный ужинъ изъ псковскихъ „яицекъ“, пережаренный на кострѣ на опушкѣ лѣса, бесѣды съ крестьянами, шуточные обманы заинтригованныхъ шумной компаніей встрѣчныхъ, котормъ — до всего дѣло...

Всего не расскажешь. И множество штриховъ давно ушедшей дѣйствительности показались бы дѣтскими пустяками нынѣшнему усталому читателю.

— Но солнце!.. но зеленый просторъ Россіи!..

Къ этимъ словамъ не нужно подбирать „объясняющихъ“ словъ, чтобы заразить ими, дать мысли каждаго толчокъ къ тысячамъ картинъ русской деревенской шири съ синеглавымъ погостомъ надъ излучиной тихой рѣки, съ бѣлоколоннымъ домомъ въ старомъ паркѣ помѣстья, съ васильками во ржи и дымчато-синимъ лѣсомъ на горизонтѣ.

IV.

Прекрасно русское искусство, но Пушкинъ — прекраснѣйшій оазисъ и въ немъ, подчасъ больномъ и трудномъ.

Хороша деревенская Россія, но пушкинскій уголокъ, воспѣтый самимъ Пушкинымъ и многими послѣ него, — исключительный по красотамъ край среди просторовъ, иной разъ на десятки верстъ урядно-убогихъ бѣдной природой.

Михайловское — Тригорское — Святыя Горы очаровательнымъ треугольникомъ замкнули для каждаго, кто посѣтилъ эти мѣста, характернѣйшую красоту сѣверной Россіи.

„Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
„Была прелестный уголокъ.

Неблагодарная задача — въ сотый разъ описывать эти знакомые всей Россіи пейзажи, извѣстные всякому. Они — передъ глазами любого грамотнаго человѣка, начиная съ „домика няни“ и кончая скромнымъobeliskомъ на могилѣ Пушкина.

Красота пушкинскаго уголка не нуждается въ адвокатахъ, въ настойчивомъ увѣреніи, что прекрасное — прекрасно:

Но мысль, возвращаясь назадъ на двадцать пять лѣтъ и въ мѣста, родныя по ряду посѣщеній, твердить о большемъ, чѣмъ просто прекрасное:

Пушкинскій уголокъ — чудесное торжество человѣческаго имени надъ красотой природы.

Какъ ни красивы сами по себѣ массивы святогорскихъ лѣсовъ, вѣнчающихъ живописные холмы, излучины лѣнливой Сороти, озеро передъ помѣщичьимъ домомъ въ Михайловскомъ, задумчивый паркъ Тригорскаго, — обаяніе памяти Пушкина затмеваетъ ихъ природную красоту.

Пушкинъ — душа этихъ мѣстъ, и душа эта — выше, внятнѣе, чѣмъ то, что видитъ глазъ.

Стоитъ вдуматься, почему имя Пушкина торжествуетъ надъ красотой русской природы.

Именно потому, что великій поэтъ не индивидуализировалъ ее въ своемъ творствѣ, не придавалъ ей своего „пушкинскаго“ оттѣнка, не создавалъ „пушкинскаго“ пейзажа, какъ Тургеневъ создалъ „тургеневскій“ и Чеховъ — „чеховскій“.

Зато вся пушкинская природа — русская, и вся русская природа — пушкинская.

Оскаръ Уайльдъ бросилъ парадоксальную мысль о томъ, что лондонскіе туманы „созданы“ художникомъ, избравшимъ ихъ мотивомъ своего творчества.

Эта мысль невольно встаетъ въ сознаниі, едва воскресишь въ себѣ картины „пушкинскаго уголка“: въ нихъ — больше Пушкина, чѣмъ ихъ же собственнаго очарованія.

Въ дѣтской поѣздкѣ двадцать пять лѣтъ назадъ и въ болѣе позднихъ посѣщеніяхъ можно было „забыть о Пушкинѣ“, пока ѣдешь или идешь. Но на мѣстѣ Пушкинъ — незабываемъ.

И вовсе не нужно заглядывать въ скромную читальню имени поэта въ Святыхъ Горахъ, интересоваться нарочитымъ пушкинскимъ налетомъ человѣческихъ мелочей, сберегающихъ его память, — эту память лучше людскихъ заботъ берегутъ и лѣсъ, и холмы, и озеро, и Соротъ.

Они уступили себя душѣ Пушкина.

Хороша русская деревенская Россія, и „пушкинскій уголокъ“ — лучшій ея оазисъ, но мысль о его красотѣ, уступившей свое собственное обаяніе душѣ Пушкина, теперь, въ дни изгнанія, напоминаетъ мнѣ о возможности и другой побѣды:

— Россія отнята отъ насъ. Не шагать намъ ея межами, не плыть золотымъ моремъ колосевъ, не пьянѣть ея воздухомъ, полнымъ солнца и жаворонковъ, не ласкать себя зеленью и синью ея далее... Но у насъ и въ изгнаніи есть Пушкинъ, душа всего, что отнято, какъ Россія и юность.

— Загляни въ пушкинскія строки, и Россія дана тебѣ въ подарокъ вмѣстѣ съ вернувшимся дѣтствомъ!

— Есть Пушкинъ — нѣтъ изгнанія!

— Есть Пушкинъ — не слѣпы глаза къ родной красотѣ, по-весеннему молодой и солнечной!

— Есть Пушкинъ — и ты дома, въ Россіи!

— Пушкинъ, чародѣй, соединяющій „направленія“ и поколѣнія, соединитъ насъ съ тѣмъ, по чему тоскуетъ лишенная родины душа.

Ревель.

Ярославъ Воиновъ.

Т_д И. БЕРКОВИЧЪ.

РЕВЕЛЬ, ГЛИНЯНАЯ, 23.

Магазинъ лучшихъ англійскихъ и французскихъ шерстяныхъ и шелковыхъ матерій.

Постоянно послѣднія сезонныя новости.

„ПАМЯТНИКЪ“.

Много разъ уже праздновали пушкинскія годовщины, и эти празднества всегда были этапами въ изученіи сочиненій Пушкина и специально въ изученіи текста его сочиненій.

Нынѣшнее празднество, несомнѣнно, снова поставитъ на очередь оба эти вопроса.

Въ изученіи текста сочиненій Пушкина предстоитъ, безспорно, сдѣлать еще очень многое. Въ изданіе ихъ текста, какъ и сочиненій другихъ русскихъ классиковъ, необходимо внести коренныя измѣненія.

Въ предисловіи къ первому дѣйствию „Горя отъ ума“*) я изложилъ свои взгляды на задачи новаго изданія русскихъ классиковъ и привелъ соображенія, почему ихъ нельзя издавать такъ, какъ ихъ издавали до сихъ поръ.

Въ общемъ, эти высказанные мною взгляды заключаются въ слѣдующемъ:

Какъ правило, текстъ русскихъ классиковъ (Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова и др.) долженъ печататься такъ, какимъ его дали намъ авторы. Мы должны дорожить каждой ихъ буквой, и воля автора всегда должна быть положена въ основу при печатаніи текста его произведеній. Въ выработкѣ окончательнаго текста должны быть приняты во вниманіе всѣ особенности авторскихъ рукописей. Всякаго рода измѣненія, которыя будутъ признаны нужными, всегда должны быть особо оговорены.

Въ томъ же предисловіи я, предлагая новый текстъ „Горя отъ ума“, указаль, какого рода измѣненія и въ какихъ случаяхъ могутъ дѣлаться въ изданіяхъ русскихъ классиковъ.

„Горе отъ ума“ — одно изъ тѣхъ произведеній русскихъ классиковъ, которыя требуютъ совершенно иныхъ изданій, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

До насъ не дошло ни одной исправленной Гри-

боѣдовымъ его рукописи, и самому автору при его жизни ни разу не удалось ее напечатать. Слѣдовательно, мы въ этомъ произведеніи, менѣе чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ, можемъ по дошедшимъ до насъ несовершеннымъ рукописямъ судить о волѣ автора.

То же самое и на такихъ же основаніяхъ мы можемъ сказать о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина.

Въ „Горѣ отъ ума“ я возстановилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ его первоначальный текстъ, отъ котораго при окончательной обработкѣ рукописи по разнымъ обстоятельствамъ Грибоѣдову пришлось, явно скрѣпя сердце, отказаться и включить въ текстъ то, чего онъ не могъ не считать менѣе совершеннымъ.

Затѣмъ мною устранены и нѣкоторыя ошибки, оставшіяся въ авторскихъ — непросмотрѣнныхъ для печати — рукописяхъ, и внесены большія измѣненія въ пунктуацию „Горя отъ ума“ и вообще во внѣшнюю сторону его изданія какъ по сравненію съ рукописями самого Грибоѣдова, такъ и по сравненію съ текстомъ „Горя отъ ума“, какъ онъ до сихъ поръ печатался въ разныхъ изданіяхъ.

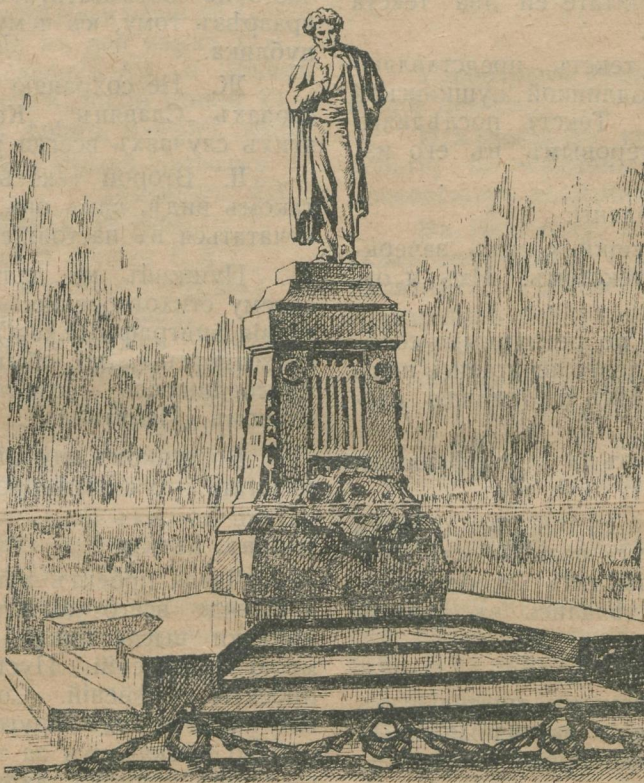
То же, что мной сдѣлано въ о ношеніи „Горя отъ ума“, сдѣлано мной и въ готовящихся къ печати новыхъ изданіяхъ „Евгенія Онѣгина“ Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ его произведеній.

* * *

Въ настоящее время остановлю вниманіе читателей на знаменитомъ стихотвореніи Пушкина „Памятникъ“, по моему мнѣнію, требующемъ совершенно иной редакціи, чѣмъ та, въ которой оно до сихъ поръ появлялось.

Это стихотвореніе написано Пушкинымъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Оно является какъ бы его завѣщаніемъ. Пушкину въ это время приходилось переживать тяжелую душевную трагедію, и онъ задумывался о смерти. „Памятникъ“, это — какъ будто одна изъ его попытокъ подвести итоги своей жизни.

Это стихотвореніе дошло до насъ въ двухъ

Памятникъ Пушкину въ Москвѣ.

*) 1) Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“ (Первое дѣйствіе). Подъ редакціей, съ примѣчаніями и вступительной статьей В. Л. Бурцева. Парижъ, 1919 г. 2) Грибоѣдовъ. „Горе отъ ума“ по бѣглицкой рукописи (1 дѣйствіе). Подъ редакціей В. Л. Бурцева. Последнее изданіе вышло въ ограниченномъ количествѣ и въ продажу не поступило. *Ред.*

черновыхъ наброскахъ, и его едва ли можно разсматривать, какъ законченное произведеніе. Его въ печати Пушкинъ самъ не видалъ, и оно впервые появилось въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина, сдѣланномъ Жуковскимъ въ 1838-40 г. г. Въ этомъ стихотвореніи осталось кое-что такое, что при окончательной обработкѣ своихъ стихотвореній Пушкинъ обыкновенно сглаживалъ или уничтожалъ.

Тѣмъ не менѣе, этотъ незаконченный — дошедшій до насъ только въ черновыхъ наброскахъ — „Памятникъ“ является однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ стихотвореній Пушкина, и теперь, во время новыхъ пушкинскихъ празднествъ его, конечно, будутъ вспоминать чаще другихъ.

„Памятникъ“ былъ любимымъ стихотвореніемъ Тургенева, и послѣдній съ такой любовью его цитировалъ во время перваго всероссійскаго празднованія памяти Пушкина въ 1880 г., при открытіи памятника въ Москвѣ.

Я предлагаю вниманію читателю ей два текста этого стихотворенія Пушкина.

I. Въ скобкахъ данъ текстъ, представляющій точное воспроизведеніе подлинной пушкинской рукописи этого стихотворенія. Текстъ послѣдняго и факсимиле даны были Венгеровымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина.

Въ скобкахъ мною приведены:

A. Варианты самого Пушкина, имъ зачеркнутые и замѣненные новымъ текстомъ. Ихъ я отмѣчаю словомъ „Пуш.“

B. Варианты, сдѣланные по цензурнымъ соображеніямъ Жуковскимъ. Они долго печатались подъ видомъ пушкинскаго текста. Ихъ я отмѣчаю словомъ „Жук.“

B. Измѣненія въ текстѣ въ изданіи Ефремова. Ихъ я отмѣчаю буквой „Е.“

Сравненія основнаго текста съ текстомъ другихъ изданій, кромѣ Ефремова, дадутъ возможность привести и другіе варианты и отмѣтить особенности, какія въ этомъ стихотвореніи дѣлались въ различныхъ изданіяхъ.

Стихотворенія Пушкина, подобныя „Памятнику“, должны быть изучены самымъ тщательнымъ образомъ, и приняты во вниманіе различныя измѣненія, съ которыми они до сихъ поръ печатались. Это можетъ послужить матеріаломъ при выработкѣ окончательнаго текста изданія, предназначеннаго для широкой современной публики.

G. Въ двухъ мѣстахъ („вслѣдъ Радищеву“ и „Призванью своему“) я предлагаю возстановить первоначальный текстъ Пушкина.

D. Въ двухъ мѣстахъ („пить“ и „дикой“) предлагаю измѣненія отдѣльныхъ словъ текста и отмѣчаю ихъ, какъ и въ изданіи „Горя отъ ума“, буквой Z.

Знаю напередъ, что въ данномъ случаѣ я болѣе всего встрѣчу возраженій. Но, тѣмъ не менѣе, я продолжаю утверждать, что для изданія, предназначеннаго для широкой публики, въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ, не слѣдуетъ оставлять въ произведеніяхъ Пушкина нѣкоторыхъ пережитыхъ особенностей языка 30-хъ годовъ. Пусть въ академическихъ изданіяхъ сохраняются неприкосновенными всѣ особенности русскаго языка предшествующихъ эпохъ, но для обычныхъ читателей мы имѣемъ право внести требуемая жизнью измѣненія. Въ данномъ

случаѣ, замѣняя слова „пить“ и „дикой“, мы вовсе не нарушаемъ воли Пушкина, а только приближаемъ его языкъ къ языку, болѣе понятному для современнаго читателя.

E. Кромѣ того, даю совершенно новую пунктуацию. Мнѣ кажется, нельзя остаться при той пунктуации, которую далъ Пушкинъ.

Несомнѣнно, Пушкинъ, если бы онъ самъ печаталъ это стихотвореніе, не оставилъ бы его съ пунктуацией своего черновика, какъ это сдѣлалъ Венгеровъ въ его роскошномъ изданіи сочиненій Пушкина, назначенномъ для широкой публики. Въ однихъ мѣстахъ онъ добавилъ бы новые знаки препинанія, въ другихъ — измѣнилъ бы тѣ, которые были. Во всемъ томъ, что Пушкинъ издавалъ самъ, знаки препинанія, конечно, разставлены иначе, чѣмъ въ его „Памятникѣ“. Но во многихъ случаяхъ нельзя согласиться съ пунктуацией Пушкина даже въ просмотрѣнныхъ имъ его изданіяхъ. Она часто не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ и идетъ вразрѣзъ тому, къ чему приучена теперь широкая публика.

Ж. Не сохраняю я и заглавныхъ буквъ въ словахъ „Славянъ“, „Калмыкъ“ и т. д., которыя въ этихъ случаяхъ всегда употреблялъ Пушкинъ.

II. Второй текстъ „Памятника“ я даю въ такомъ видѣ, какъ онъ, по моему мнѣнію, долженъ печататься въ настоящее время.

Пушкинъ не далъ никакого заглавія этому своему стихотворенію. Нѣкоторые берутъ для заглавія эпиграфъ (Epagi), другіе — первую строку стихотворенія, но обыкновенно — и я къ этому присоединяюсь — озаглавливаютъ это стихотвореніе словомъ „Памятникъ“.

Во всякомъ случаѣ, я не сомнѣваюсь, что такъ печатать это стихотвореніе Пушкина, какъ его печатали до сихъ поръ, напримѣръ, Венгеровъ и Ефремовъ, нельзя.

Давая проектъ новой редакціи „Памятника“, я прежде всего хотѣлъ бы, чтобы литературные критики высказались по поводу предлагаемыхъ мною измѣненій. Пусть они дадутъ свои новые проекты измѣненій. Со временемъ Академія Наукъ или какое-нибудь другое авторитетное ученое общество выскажутся за тѣ или другія измѣненія и, въ концѣ концовъ, дадутъ намъ канонъ этого стихотворенія.

Если же среди моихъ читателей найдется кто-нибудь, кто скажетъ, что тѣ или иныя изъ предполагаемыхъ мною измѣненій не важны, что на нихъ не стоитъ останавливаться и т. д., то съ возраженіями этого рода я никоимъ образомъ согласиться не смогу.

Въ Пушкинѣ ничего неважнаго нѣтъ. Предложенныя мною измѣненія — или ошибочны и недопустимы, или ихъ нужно принять.

Для того, чтобы, въ концѣ концовъ, дать настоящее изданіе стихотвореній Пушкина, издатели должны много поработать надъ каждой его строчкой — гораздо больше, чѣмъ сдѣлано мною по отношенію къ его „Памятнику“.

Когда эта работа будетъ сдѣлана по отношенію хотя бы къ главнѣйшимъ сочиненіямъ Пушкина, тогда только широкая публика и будетъ имѣть настоящее изданіе его сочиненій.

* * *

Я ПАМЯТНИКЪ СЕБѢ ВОЗДВИГЪ НЕРУКОТВОРНЫЙ.

(Старый текстъ).

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный (; E.)
Къ нему не заростетъ народная тропа (; E.)
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
(Наполеонова столпа Жук.).
Нѣтъ (! E.) весь я не умр — (! E.) душа (Душа E.)
въ завѣтной лирѣ
(Нѣтъ весь я не умру — душа въ безсмертной
лирѣ Пушкин.)
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ — (— E.)
(Меня переживетъ и тлѣнья убѣжитъ Пушкин.)
И славенъ буду я (, E.) доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пѣить (. E.)
(Живъ будетъ хоть одинъ поэтъ Z)
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой (, E.)
(Слухъ пройдетъ обо мнѣ по всей Руси великой Пушкин.)
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ (: E.)
И гордый внукъ Славянъ (славянъ E.), и Финнъ
(финнъ E.), и нынѣ дикой (дикій Z)
(И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій)
Тунгузъ (, E.) и другъ степей Калмыкъ
(калмыкъ E.)
(Тунгузъ и сынъ степей калмыкъ)
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу (, E.)
(И долго буду тѣмъ народу я любезенъ Жук.)
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
(Что звуки новые въ пѣсняхъ я обрѣлъ Пушкин.)
(Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ Пушкин.)
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я Свободу
(свободу E.)
(Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу Пушкин.)
(Что прелестью живой стиховъ я былъ
полезенъ Жук.)
И милость къ падшимъ призывалъ (. E.)
(И милосердіе призывалъ Пушкин.)
Велѣнью Божию, о Муза (муза E.), будь послушна (, E.)
(Призванью своему, о Муза, будь послушна Пушкин.)
Обиды не страшась (страшись E.), не требуя
вѣнца, (; E.)
Хвалу и клевету приемли (пріемли E.) равно-
душно (, E.)
(Хвалы и клевету приемли равнодушно Пушкин.)
И не оспаривай глупца — (. E.)

1836

авг. 21.

Кам. Остр.

ПАМЯТНИКЪ.

(Новая редакція).

Exegi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный.
Къ нему не заростетъ народная тропа!
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ!
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мѣрѣ
Живъ будетъ хоть одинъ поэтъ!

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей, калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Призванью своему, о муза, будь послушна!
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца!

1836.
Авг. 21.
Кам. Остр.

А. Пушкинъ.

* *
*

Удивительна судьба стихотворенія „Памятникъ“
и внѣ печати.

Измѣненія въ немъ дѣлались не только въ
печати, но сдѣланы были и въ надписяхъ на
московскомъ памятникѣ Пушкину.

Въ 1880 году, во время знаменитыхъ пушкин-
скихъ празднествъ Пушкину поставили въ Москвѣ
памятникъ. На немъ сначала имѣли въ виду вы-
гравировать слѣдующіе четыре стиха Пушкина:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я Свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Но по цензурнымъ условіямъ пришлось отка-
заться отъ послѣднихъ двухъ стиховъ и ограничиться
двумя первыми стихами.

Хотя въ это время уже извѣстенъ былъ и
подлинный пушкинскій текстъ этого стихотворенія,
ихъ, однако, привели по тому тексту, который былъ
данъ Жуковскимъ въ 1838-40 годахъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Для цензуры Жуковскій пушкинскій стихъ
„Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я Свободу“
замѣнилъ своимъ стихомъ „Что прелестью живой
стиховъ я былъ полезенъ“ и для того, чтобы была
риема къ его слову „полезенъ“, нѣсколько измѣ-
нилъ разстановку словъ и въ первомъ пушкинскомъ
стихѣ.

Такимъ образомъ, на памятникѣ Пушкина
оказались выгравированными только первые два
стиха — въ редакціи Жуковскаго:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

Въ такомъ видѣ эта надпись находилась де-
сятки лѣтъ на московскомъ памятникѣ. Такой она
остаётся и въ настоящее время.

Конечно, со временемъ это искаженіе въ сти-
хахъ Пушкина на его памятникѣ должно быть
устранено, и долженъ быть восстановленъ настоя-
щій пушкинскій текстъ. Доска же съ измѣненіемъ
въ стихѣ, сдѣланномъ Жуковскимъ, должна быть

сохранена въ музеѣ навѣки-вѣковъ, какъ памятникъ по исторіи русской литературы.

Но когда будутъ измѣнять надпись на памятникъ Пушкину, то, по всей вѣроятности, приведутъ не только два первыхъ стиха, но и два послѣдующихъ, отъ которыхъ вынуждены были отказаться тѣ, кто въ 80-мъ году ставилъ этотъ памятникъ Пушкину:

Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я Свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Но гораздо лучше и справедливѣе сдѣлаютъ, если договорятъ мысль Пушкина до конца и на его памятникъ выгравировать это четверостишіе въ его первоначальной формѣ, а именно:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,

Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу
И милосѣ къ падшимъ призывалъ!

Или кратко скажутъ:

— Вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу!

Во всякомъ случаѣ, на памятникъ Пушкину должны стоять и его имя и имя Радищева.

Пушкинъ часто, съ любовью связывалъ свое имя съ именемъ Радищева. Онъ относился къ нему, какъ къ своему учителю, даже тогда, когда — чтобы обойти цензуру — нападалъ на него въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ.

Поэтому-то было бы исполненіемъ завѣщанія Пушкина, если бы на его памятникъ были выгравированы оба имени — и Радищева и Пушкина.

Парижъ.

Вл. Бурцевъ.

ПАМЯТИ ПУШКИНА.

И до Пушкина и послѣ Пушкина были на Руси выдающіеся поэты, но ни одинъ изъ нихъ не выдерживаетъ съ нимъ никакого сравненія.

Подобно Петру Великому, положившему начало русской государственности, Пушкинъ знаменуетъ собою достиженіе русской литературой ея совершеннѣйшаго.

Въ Пушкинѣ-поэтѣ, какъ въ фокусѣ, вспыхнули внезапнымъ огнемъ великія, дремавшія дотолѣ, силы русской стихіи, и Россія сразу его полюбила, какъ своего духовнаго первенца.

Этой любви она остается вѣрной и сейчасъ, при чемъ знаменательно, что наша преданность памяти поэта съ теченіемъ времени не только не ослабѣвала, но становилась все болѣе и болѣе сознательной и глубокой.

Были моменты въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія, когда другіе его выразители, приковывая къ себѣ наше вниманіе, какъ будто имѣли шансы еще ближе стать къ намъ, но это были всегда только моменты ослѣпленія, послѣ которыхъ поэтъ-первенецъ снова торжествовалъ побѣду въ нашихъ сердцахъ.

Это тѣмъ болѣе знаменательно, что наша исключительная преданность памяти Пушкина, какъ національнаго поэта, искушалась властительствомъ неподражаемыхъ чародѣевъ слова.

Достаточно назвать имена такихъ поэтовъ, какъ Лермонтовъ и Некрасовъ, пѣсни которыхъ подчасъ достигали абсолютнаго совершенства формы и дышали неотразимымъ благородствомъ мысли.

И того и другого мы свято чтимъ, потому что они приобщаютъ насъ къ вѣчнымъ сокровищамъ истинной поэзіи и подымаютъ надъ пошлой, оскорбительной низиной суетливой дѣйствительности.

Но, вспоминая Пушкина, мы не можемъ отрѣшиться отъ благодарной мысли, что царскія врата въ алтарь чистыхъ восторговъ поэзіи распахнулись предъ нами впервые подъ дивные звуки его пѣсенъ.

Это онъ ввелъ насъ въ тотъ второй міръ вымысла, безъ котораго міръ осязаемыхъ реальностей есть только тюрьма.

Другіе поэты только продолжали дѣло Пушкина: одни съ большимъ, другіе съ меньшимъ

успѣхомъ, и нѣтъ среди нихъ такого, который былъ бы въ своемъ творчествѣ совершенно отъ него независимъ.

Это объясняется поразительною многогранностью духовнаго наслѣдія Пушкина.

Мотивы и содержаніе его поэзіи — въ высшей степени разнообразны, а внѣшній ея механизмъ, ея словесный аппаратъ — чрезвычайно сложенъ, утонченъ и гибокъ, какъ роскошная симфонія въ исполненіи могучаго оркестра съ геніальнымъ капельмейстеромъ во главѣ.

Отсюда — широкій діапазонъ воздѣйствія пушкинской лиры и нестарѣющая прелесть ея поэтическихъ даровъ.

Пока жива Россія, будетъ живъ и Пушкинъ, какъ онъ самъ это предвидѣлъ.

Но Пушкинъ принадлежитъ не одной только Россіи.

Будучи національнымъ ея поэтомъ, онъ совершенно чуждъ національной исключительности. Почти все содержаніе его поэтическаго творчества — общечеловѣчно, и недаромъ онъ переведенъ на пятьдесятъ языковъ.

Эта цифра тѣмъ болѣе вразумительна, что никакой переводъ, конечно, не можетъ воспроизвести красоты пушкинскаго стиха и использовать всѣ возможности поэтическаго выраженія въ той мѣрѣ, какъ это было доступно Пушкину, который въ совершенствѣ владѣлъ всѣми стилями, благо русскій языкъ — подобно латинскому — необычайно пластиченъ и фонетиченъ.

И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ тѣ переводчики, которые могли бы быть такъ же лапидарно выразительны, такъ же вдохновенно патетичны, такъ же элегичны, нѣжно-пѣвучи или хитро-игривы, такъ же колоритны въ бытовомъ, географическомъ и историческомъ смыслѣ, такъ же подкупающе-просты, какъ нашъ неподобный Пушкинъ!

Въ немъ совмѣщались всѣ элементы поэтическаго дарованія и притомъ такъ, что трудно было бы сказать, въ какомъ изъ направленій его творческой дѣятельности онъ былъ менѣе геніаленъ.

Таковъ Пушкинъ — этотъ лучезарнѣйшій изъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ.

Юрьевъ.

Проф. Юр. Филипповъ.

Что даетъ Пушкинъ государствовѣду?

— Что даетъ Пушкинъ государство-вѣду?

Станный вопросъ! Многие готовы отвѣтить: Да что же можетъ дать онъ!

Науки юридико-политическія — матерія сухая, и что можетъ дать служителямъ ихъ вдохновенный пѣвецъ красоты, любви, человѣческихъ радостей, мукъ и слезъ?

Однако, мы, юристы, немало черпаемъ изъ трудовъ поэтовъ. Сколько мыслей и великихъ идей даютъ намъ и Софокль, и Шекспиръ, и Гете, и Шиллеръ, и Расинъ, изъ болѣе новыхъ — и В. Гюго и Байронъ, а изъ русскихъ — А. Толстой, Л. Толстой и Достоевскій! Иногда одинъ стихъ, одно изреченіе содержитъ болѣе, чѣмъ цѣлый фоліантъ научной теоріи.

Немалымъ мы обязаны и Пушкину.

— Каково политическое міровоззрѣніе Пушкина?

На этотъ вопросъ отвѣтить дѣйствительно не легко.

Въ 38 лѣтъ своей жизни великій поэтъ пережилъ то же, что почти мы всѣ переживали: и увлеченіе радикализмомъ и отрешеніе, даже глубокое разочарованіе въ идеалахъ юности.

Когда Пушкинъ кончалъ Царскосельскій лицей, наступалъ меланхолическій эпилогъ царствованія Александра I. Прошли „дни Александра прекраснаго начала“, и наступала пора военныхъ поселеній, арачьевщины, мистицизма и мракобѣсія Рунича, Магницкаго, Кавелина и архимандрита Фотія, а на Западѣ — періодъ реставраціи и такъ называемаго легитимизма.

Страстный юноша не могъ не проникнуться радикализмомъ и не могъ не стать республиканцемъ. Стихотвореніе „Кинжалъ“ — самое яркое выраженіе если не прочнаго политическаго міровоззрѣнія, то вполнѣ понятнаго по условіямъ времени настроенія.

Такая страстная натура, какъ пушкинская, не могла не увлечься тиранно-махіей, подобно Шиллеру, который, какъ извѣстно, украсилъ свою трагедію „Разбойники“ виньеткой съ подписью: „In Tugappos“, а в послѣдствіи въ другихъ произведеніяхъ энергично возставалъ противъ революціонныхъ актовъ.

Вспоминаешь при этомъ объ ученіи Ромера, который говорилъ, что каждому возрасту соотвѣтствуетъ опредѣленное политическое міровоззрѣніе: молодости — радикализмъ, болѣе зрѣлой юности — умѣренный либерализмъ, а преклонному возрасту — консерватизмъ.

Молодой Пушкинъ не прочь отъ идеализаціи безгосударственнаго бытія и вольности неограниченной. Вспомните поэму „Цыгане“, гдѣ испорченный городской цивилизаціей человѣкъ вноситъ горе въ среду простыхъ дѣтей природы, гдѣ старикъ говоритъ Алеко:

„Оставь насъ, гордый человѣкъ!

„Мы — дики, нѣтъ у насъ законовъ,

„Мы не терзаемъ, не казимъ,

„Не нужно крови намъ и стоновъ—

„Но жить съ убійцей не хотимъ.

„Ты не рожденъ для дикой доли,

„Ты для себя лишь хочешь воли.

„Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:

„Мы — робки и добры душою,

„Ты — золь и смѣль, оставь же насъ!

„Прости, да будетъ миръ съ тобою!

Въ этихъ краткихъ словахъ „ты для себя лишь хочешь воли“ — глубокая истина.

Какъ нельзя лучше, они вскрываютъ истинный смыслъ многихъ апостоловъ свободы, которые, говоря о свободѣ народа, въ сущности имѣютъ въ виду лишь собственное властвованіе.

Въ этой же поэмѣ имѣется другое мѣсто, точно такъ же мастерски изображающее часто напускное радикальничанье:

„Ты любишь насъ, хоть и рожденъ

„Среди богатаго народа;

„Но не всегда мила свобода

„Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.

Пушкинъ увлекался въ юности республиканскими идеалами, но едва ли когда-либо былъ демократомъ. Онъ зло смѣялся надъ новоиспеченными аристократами („Моя родословная“), но былъ и остался такимъ же аристократомъ, каковыми были и его друзья-декабристы, в послѣдствіи А. И. Герценъ, даже анархистъ князь Кропоткинъ и М. Бакунинъ.

Пожалуй, и генеральскій сынъ В. И. Ульяновъ-Ленинъ не могъ изжить аристократизма и именно потому создалъ новое привилегированное сословіе „пролетаріевъ“, а демократію утопилъ въ крови.

Но Пушкинъ былъ далекъ отъ аристократическаго дегенератства и, гордясь своей кровью, любилъ народъ, желая ему блага (знаменитое стихотвореніе „Деревня“ съ извѣстными стихами „Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный“ и т. д.). Но передъ массой онъ не преклонялся, сознавая шаткость, неустойчивость ея воли, легкость перехода отъ одной крайности въ другую, а посему необходимость руководства ею.

Уже въ 1822 году въ отрывкѣ поэмы „Вадимъ“ мы читаемъ отвѣтъ Вадима на приглашеніе Рогдая явиться въ Новгородъ и встать во главѣ народа, ропшущаго на иго иноземцевъ:

„Безумные! Давно ль они въ глазахъ моихъ

„Встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ

„И вольныя главы подъ иго преклоняли?

„Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь...

„Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь!..

А въ поэмѣ „Полтава“ вотъ какъ рисуется пассивность и безпонятливость толпы. Совершилась казнь Кочубея и Искры —

„Свершилась казнь. Народъ безпечный

„Идетъ, разсыпавшись, домой

„И про свои заботы вѣчны

„Уже толкуетъ межъ собой.

Да и память о дѣятеляхъ, двигавшихъ массой, не имѣющей ясной воли, а лишь смутные инстинкты, угасаетъ быстро; въ памяти остаются лишь дѣйствительные творцы. Конецъ поэмы „Полтава“ извѣстенъ:

„Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось
„Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
„Столь полныхъ волею страстей?
„Ихъ поколѣнье миновалось —
„И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
„Насилій, бѣдствій и побѣдъ.

„Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
„Огромный памятникъ себѣ.

Это недовѣрчивое, даже нѣсколько презрительное отношеніе къ народу — при всей симпатіи къ нему, — взгляды на него какъ на массу, готовую къ вспышкамъ и внезапнымъ порывамъ, но не къ устойчивости ни въ зломъ ни въ добромъ дѣлѣ, выступаетъ какъ въ „Полтавѣ“, такъ и въ „Исторіи пугачевского бунта“ и въ „Борисѣ Годуновѣ“. Оно и понятно.

Пушкинъ самъ имѣлъ возможность убѣдиться въ способности внезапнаго перехода народной массы отъ энергіи къ вялости, отъ увлеченія вождями къ ненависти.

13-лѣтнимъ мальчикомъ онъ пережилъ эпопею 1812 года, когда Россія, какъ медвѣдица, встала на заднія лапы и уничтожила полчища Наполеона, а затѣмъ, немного покряхтѣвъ, вошла вновь въ русло крѣпостничества; въ 1814-1815 г. г. пережилъ двукратное паденіе кумира французовъ, Наполеона, и могъ убѣдиться, что исторію дѣлаютъ отдѣльные крупные личности.

Чѣмъ инымъ, какъ не особенностями характера Александра I, онъ могъ объяснить переломъ во внутренней политикѣ Россіи и переходъ отъ пера Сперанскаго къ шпицрутенамъ Аракчеева, отъ либерализма къ реакціонному мистицизму?

А 26-ти лѣтъ отъ роду Пушкинъ перешелъ изъ эры либеральнаго въ душѣ, но непослѣдовательнаго и неустойчиваго Александра I въ эру реалиста съ желѣзной волей, Николая I, сталъ свидѣтелемъ — хотя бы въ отдаленіи — крушенія замысловъ декабристовъ, побѣды надъ ними безстрашнаго Николая, пережилъ въ 1830-1831 г. г. и холерный бунтъ и бунтъ военныхъ поселеній, усмиренные опять-таки безстрашіемъ того же Николая, и видѣлъ, какъ этотъ недавно малоизвѣстный бригадный генералъ сталъ чуть не всевластнымъ руководителемъ политики Европы, идеаломъ всѣхъ консерваторовъ и предметомъ ненависти и страха всѣхъ прогрессистовъ.

Если въ юности Пушкинъ вѣрилъ въ возможность народовластія, то въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ сталъ если не убѣжденнымъ абсолютистомъ, то монархистомъ.

Сила личности могла увлечь за собой поэта, ибо поэтъ самъ — прежде всего личность, зачастую непонятая и неоцѣненная толпой.

Но монархія постольку внушала ему уваженіе, поскольку она была проявленіемъ творчества и труда

на благо народа. Посему ни одна историческая личность подъ его перомъ не получаетъ такой яркой окраски, какъ личность Петра Великаго.

Онъ увлекается этимъ „славнымъ шкиперомъ“, этимъ вѣчнымъ работникомъ на тронѣ и въ „Полтавѣ“, и въ „Мѣдномъ всадникѣ“, и въ „Арапѣ Петра Великаго“. Можетъ быть, наиболѣе мѣтко рисуется эта исполинская фигура именно въ послѣднемъ изъ указанныхъ твореній.

Какъ просто, но какъ привлекательно обрисованъ грозный царь — который никого и ничего не щадилъ, прежде всего не щадилъ самого себя — въ сценѣ встрѣчи арапа Ибрагима, возвращающагося изъ Парижа, въ корчмѣ, въ Красномъ Селѣ. А затѣмъ какъ въ немногихъ штрихахъ обрисованъ Петръ въ своей неустанной дѣятельности то въ сенатѣ, то въ адмиралтействѣ, то на верфи, то въ мастерскихъ...

Въ Петрѣ поэтъ видѣлъ именно творческую силу, которая не побоится поднять на дыбу все государство ради точно и ясно опредѣленной цѣли.

Что поэтъ впадаетъ иногда въ противорѣчіе, не въ отношеніи Петра, а въ отношеніи продолжательницы его дѣла, Екатерины II, это — несомнѣнно. Въ „Капитанской дочкѣ“ она изображена въ привлекательныхъ краскахъ. Она — и великодушна, и мягка, и справедлива. Но въ „Историческихъ замѣчаніяхъ“ онъ судитъ иначе. Тамъ встрѣчается злая замѣтка: „Если царствовать значить знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленія потомства“. Онъ ея не щадитъ и вмѣсто великодушія и справедливости отмѣчаетъ фальшь, лицемеріе и даже жестокость. Даже ея законодательство онъ признаетъ ничтожнымъ!

Кажется, историкъ-Пушкинъ болѣе ошибается, чѣмъ поэтъ. Историкъ-Пушкинъ не могъ простить Екатеринѣ грѣховъ ея послѣднихъ лѣтъ — судьбы Новикова и Радищева, какъ онъ не прощалъ Николаю I суровости по отношенію къ декабристамъ (несмотря на нѣкоторые комплименты по адресу Николая).

Въ зрѣлые годы у Пушкина проявляются все болѣе такъ называемые консервативные взгляды. Стоитъ только прочесть его замѣтки о цензурѣ или „Разговоръ съ англичаниномъ о русскихъ крестьянахъ“. Эти наброски вызываютъ даже удивленіе. Неужели ихъ писалъ авторъ стихотворенія „Деревня“? Объяснить эти противорѣчія можно лишь страстностью и впечатлительностью натуры поэта.

Впрочемъ, противорѣчія встрѣчаются и въ трудахъ ученыхъ, и слава Пушкина основана не на его историческихъ трудахъ, замѣткахъ и наброскахъ. Государствовѣдъ здѣсь, пожалуй, немногому научится.

Но зато его блестящія мысли о психическихъ моментахъ въ жизни государства, народовъ и ихъ вождей будятъ мысль и открываютъ многое, мимо чего теоретикъ нерѣдко проходитъ безъ вниманія.

Юрьевъ.

Э. Н. Берендтсъ.

Пушкинъ, какъ поэтъ войны.

Нашъ величайшій національный поэтъ Пушкинъ среди своихъ предковъ какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери насчитываетъ немало военныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ прославились на боевомъ поприщѣ.

Съ другой стороны, самъ Пушкинъ хотя фактически никогда не служилъ на военной службѣ, но лично испытывалъ боевые переживанія, участвуя въ Турецкомъ походѣ на Азіатскомъ театрѣ въ 1829 году, при чемъ ему пришлось быть непосредственнымъ свидѣтелемъ двухъ крупныхъ сраженій.

Вотъ почему въ день, когда чувствуется память великаго поэта, вполне уместно задать вопросъ:

— Какъ онъ, этотъ русский до мозга костей человекъ, проникновенный толкователь прошлаго, чуткій выразитель настоящаго и замѣчательный провидецъ будущаго, относился къ войнѣ, ко всему связанному съ нею, и какъ это отношеніе отразилось въ его гениальныхъ произведеніяхъ?

Прежде всего необходимо отмѣтить, что вопросы, касающіеся войны, и вообще военныя темы не являются случайностью въ творчествѣ Пушкина. Это видно изъ того, что эти темы затрагиваются поэтомъ въ самыхъ различныхъ видахъ во множествѣ его произведеній. Чтобы подтвердить это, достаточно указать, что почти всѣ его прозаическія произведенія, хотя бы и частично, или непосредственно касаются военныхъ событій, или происходятъ въ обстановкѣ военного быта, или, наконецъ, своими героями имѣютъ военныхъ („Капитанская дочка“, „Выстрѣлъ“, „Смотритель“, „Пиковая дама“, „Дубровский“).

Но этой особенностью отличаются не только почти всѣ прозаическія произведенія Пушкина, но и значительная часть его поэтическихъ твореній, какъ-то: „Полтава“, „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“, „На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 году“, „Къ тѣни полководца“, „Полководецъ“, „Наполеонъ на Эльбѣ“, „Наполеонъ“, „Друзьямъ“, „Городокъ“, „Посланіе къ В. Л. Пушкину“, „Орлову“, „Казакъ“, „Гусары“, „Бонапартъ и черногорцы“, „Делибашъ“ и многія другія.

Конечно, почти во всѣхъ названныхъ произведеніяхъ военная, такъ сказать, тема не является основнымъ ихъ мотивомъ, но все же предпочтеніе героевъ изъ военныхъ, созданіе обстановки для дѣйствій своихъ героевъ въ условіяхъ военного быта, наконецъ, частое затрагиваніе вопросовъ, непосредственно касающихся военного дѣла, являются для Пушкина чрезвычайно характерными.

Несомнѣнно, во всемъ этомъ надо видѣть отчасти дань времени, когда въ соціальной структурѣ тогдашняго русскаго общества и въ силу отношеній верховной власти къ различнымъ слоямъ этого общества военные занимали какъ бы первенствующее положеніе. Этому способствовало и то обстоятельство, что Пушкинъ жилъ въ то время, когда въ памяти русскаго народа была еще жива величественная эпоха наполеоновскихъ войнъ и особенно Отечественная война 1812 года съ ея многочисленными героями отъ простыхъ солдатъ и крестьянъ до главнокомандующихъ арміями.

Однако, Пушкинъ былъ слишкомъ самобытенъ и оригиналенъ, чтобы настраивать свою чудодѣйственную лиру лишь только въ общій тонъ. Его гений былъ настолько всеобъемлющъ и могучъ, что онъ не могъ, конечно, ограничиваться перепѣвами чужихъ идей и въ своей творческой работѣ слѣдовать чьему бы то ни было указанію, не отвѣчающему отклику его собственной души, порыву его божественнаго вдохновенія, его

сердечнымъ устремленіямъ, запросамъ его многограннаго и обширнаго ума.

Пушкинъ чрезвычайно любовно, симпатично и весьма сочувственно, съ большимъ добродушіемъ, хотя иногда какъ бы покровительственно, относится почти ко всѣмъ своимъ героямъ-военнымъ, обрисовывая ихъ съ наилучшей стороны. Всѣ они у Пушкина отличаются истиннымъ героизмомъ, удалью, молодечествомъ и въ то же время высокими нравственными качествами: честностью, благородствомъ, душевной прямоотой, добросердечностью, вѣрностью долгу. И лишь поручикъ Швабринъ въ „Капитанской дочкѣ“ является ярко отрицательнымъ типомъ изъ военныхъ въ произведеніяхъ

Оригинальный рисунокъ перомъ для „Послѣднихъ Извѣстій“ художника А. И. Владовскаго.

Пушкина. Но здѣсь поэтъ слѣдовалъ исторической правдѣ, къ тому же Швабринъ со всѣми его темными сторонами былъ нуженъ Пушкину для того, чтобы еще ярче, еще нагляднѣе подчеркнуть свѣтлые образы Миронова, Гринева и друг.

Сочувственное и симпатичное отношеніе Пушкина къ героямъ-военнымъ его произведеній, между прочимъ, свидѣтельствуется тѣмъ, что среди многочисленныхъ остроумныхъ, но подчасъ ѣдкихъ и злыхъ его эпиграммъ нѣтъ ни одной, направленной противъ военныхъ.

Правда, у Пушкина есть эпиграмма на Аракчева, но въ этой эпиграммѣ поэтъ бичуетъ послѣдняго не какъ военнаго, а какъ временщика, указывая, что у него нѣтъ данныхъ, чтобы быть таковымъ.

У Пушкина есть также нѣсколько шуточныхъ стихотвореній по адресу военныхъ, какъ-то: „Усы“, „Гусарь“, „Къ портрету Чаадаева“, „Къ портрету Каверина“ и нѣкоторыя другія. Но въ нихъ шутка — не злая, а добродушная, безобидная, подчеркивающая именно тѣ свойства военныхъ, которыя по преимуществу привлекали Пушкина — удалъ, лихость, нѣкоторую безпечность и т. п.

Довольно часто въ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ затрагиваетъ бытовую сторону жизни военныхъ. Особенно отчетливо имъ это сдѣлано въ повѣсти „Капитанская дочка“.

Здѣсь бытовая сторона обрисована чрезвычайно художественно и въ то же время въ высшей степени правдиво. Въ изображеніи быта Пушкинымъ мѣтко схвачена эпоха, ея духъ какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ; характеристика отдѣльныхъ лицъ превосходная; ихъ взаимныя отношенія установлены вѣрно.

Живо, какъ всегда у Пушкина, сжатымъ и въ то же время художественнымъ языкомъ описаны мятежъ въ крѣпости и поведеніе мятежниковъ. Это описание производитъ сильное впечатлѣніе своей внутренней правдой.

Пушкинъ придаетъ большое значеніе войнѣ, какъ явленію въ жизни народовъ, посредствомъ котораго рѣшаются важнѣйшіе вопросы ихъ существованія.

Такое отношеніе Пушкина ярко сказывается въ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“, написанномъ во время польскаго возстанія, въ 1831 году и обращенномъ къ западно-европейскимъ государствамъ.

Здѣсь Пушкинъ подчеркиваетъ заслуги Россіи, спасшей Европу отъ самовластия Наполеона, указываетъ на военное могущество Россіи, основанное на высокихъ качествахъ ея армии вообще и отдѣльныхъ ея представителей въ частности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ произведеніи Пушкинъ глубоко преклоняется передъ величіемъ и славою Россіи, при чемъ это величіе, эту славу онъ ставитъ въ зависимость отъ военныхъ подвиговъ, отъ войны вообще.

То же значеніе войны проскальзываетъ и въ четверостишіи Пушкина „Золото и Булатъ“, въ которомъ поэтъ отдаетъ предпочтеніе булату, т. е. войнѣ, передъ златомъ и какъ бы утверждаетъ, что всего въ интересахъ народа можно добиться только булатомъ, только войной.

Изъ красиваго стихотворенія „Друзьямъ“ можно сдѣлать выводъ, что одной изъ главнѣйшихъ

причинъ „оживленія“ Россіи, т. е. преуспѣянія ея на всѣхъ поприщахъ, Пушкинъ наравнѣ съ народнымъ трудомъ считаетъ войну.

Однако, войнѣ Пушкинъ придаетъ большое значеніе не только для жизни государства и народа, но также и для себя, какъ поэта и просто человѣка съ мятущейся душой, жаждущей истины и высшей правды и неудовлетворяющейся условіями и интересами обыденной жизни.

Въ нѣсколько восторженномъ стихотвореніи „Война“ Пушкинъ, перечисляя явленія, сопровождающія войну, свидѣтельствуется, что война является для него источникомъ вдохновенія, столь богатаго своими дарами, блага котораго мы ощущаемъ еще теперь, и благодѣтельные чары котораго будутъ испытывать не только наши внуки, но и безчисленныя еще поколѣнія русскихъ людей.

Въ войнѣ же Пушкинъ видитъ средство, могущее успокоить его, возстановить его душевное равновѣсіе, заставить забыть его личныя горести.

При такомъ пониманіи значенія войны естественно, что Пушкинъ не могъ равнодушно относиться къ войнѣ, ко всему связанному съ ней и, въ частности, къ военной службѣ.

И, дѣйствительно, къ войнѣ, какъ видно изъ того же стихотворенія, Пушкинъ прежде всего относится восторженно.

На ряду съ этимъ Пушкинъ крайне сожалѣетъ, что ему не удалось принять участія въ войнѣ. Это высказывается имъ въ одѣ „На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 году“, а также въ посланіи къ Орлову

Въ этомъ посланіи, между прочимъ, проскальзываетъ также взглядъ Пушкина на относительное, такъ сказать, значеніе военной службы по сравненію съ другими родами дѣятельности. Здѣсь военную службу онъ ставитъ какъ бы на одну ступень съ высоко оцѣниваемой имъ дѣятельностью поэта.

Еще болѣе опредѣленно въ этомъ отношеніи высказывается Пушкинъ въ другомъ своемъ произведеніи, а именно въ посланіи къ дядѣ своему В. Л. Пушкину.

Относясь такъ къ войнѣ и ко всему связанному съ ней, придавая войнѣ такое большое значеніе, естественно, Пушкинъ неоднократно вдохновлялся военными событіями. А будучи русскимъ человѣкомъ, горячо любящимъ свою родину, съ глубокимъ уваженіемъ относясь къ ея славному прошлому, благоговѣнно чтя память героевъ, трудами и кровью которыхъ создано величіе и могущество Россіи, Пушкинъ направлялъ свое вдохновеніе на военныя событія русскаго прошлаго и на русскихъ военныхъ дѣятелей этого прошлаго. Особенное вниманіе Пушкина въ этомъ отношеніи, какъ уже было сказано, привлекалъ священной памяти 12-ый годъ, къ которому онъ относился съ наибольшимъ благоговѣніемъ и въ то же время съ наибольшимъ восторгомъ.

Въ своихъ произведеніяхъ, посвященныхъ великимъ событіямъ этой славной страницы исторіи Россіи, Пушкинъ необыкновенно правильно опредѣляетъ значеніе какъ всей войны 1812 года, такъ и отдѣльныхъ ея событій съ точки зрѣнія тѣхъ послѣдствій, которыя они повлекли за собою и въ общемъ широкомъ смыслѣ и, въ частности, для главнѣйшихъ дѣятелей этой эпохи.

Къ такимъ произведеніямъ прежде всего отно-

сится стихотвореніе „Бородинская годовщина“, написанное по поводу взятія въ 1831 году Варшавы въ день, совпадающій съ днемъ сраженія подъ Бородинымъ.

Здѣсь чрезвычайно образно и въ то же время вполне правильно охарактеризованы значеніе Бородинской битвы и ея вліяніе на послѣдующій ходъ событій.

Въ этомъ стихотвореніи, кромѣ того, Пушкинъ отмѣчаетъ лучшія традиціи русской арміи, такъ ярко проведенныя въ жизнь еще Суворовымъ.

Милосердіе и великодушіе къ побѣжденному врагу, отсутствіе чувства мести и злобы по отношенію къ мирному населенію — вотъ тѣ черты русской арміи, которыя справедливо подчеркиваются здѣсь Пушкинымъ.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить въ этой одѣ того восторга и упоенія, которыми реагируетъ на русскую побѣду нашъ гениальный поэтъ, этотъ великій патріотъ съ душою пылкой, отзывчивой и обвѣянной сознательной любовью къ родной арміи.

Тѣ же настроенія Пушкина, то же глубокое пониманіе имъ историческихъ фактовъ и та же правильная оцѣнка значенія войны встрѣчаются и въ стихотвореніи „Наполеонъ на Эльбѣ“.

Нарисовавъ въ общихъ чертахъ вполне отвѣчающій дѣйствительности обликъ Наполеона, томящагося на островѣ Эльбѣ и готовящагося къ новой борьбѣ съ Европой, и заставляя Наполеона вспомнить свое постоянное боевое счастье и славу, Пушкинъ въ этомъ произведеніи даетъ правильную оцѣнку значенія войны 1812 года для судьбы великаго полководца и справедливо подчеркиваетъ, что съ битвой подъ Бородинымъ или, какъ французы называютъ ее, битвой подъ Москвой начались всѣ боевыя невзгоды этого военнаго гения.

Тѣ же мотивы слышатся въ упомянутой выше одѣ „На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 г.“

Какъ уже было отмѣчено, Пушкинъ высоко цѣнитъ память русскихъ военныхъ дѣятелей, такъ много сдѣлавшихъ для возвеличенія Россіи и роста ея могущества и славы, но съ особенной любовью и благоговѣніемъ онъ относится къ героямъ Отечественной войны.

Въ своемъ чудномъ стихотвореніи „Полководецъ“, посвященномъ Барклаю де Толли, Пушкинъ въ простыхъ, но трогательныхъ словахъ сначала вспоминаетъ „начальниковъ народныхъ нашихъ силъ“. Затѣмъ, давъ со свойственнымъ ему искусствомъ картинное и въ то же время вѣрное изображеніе Барклая де Толли, онъ рисуетъ духовный обликъ послѣдняго.

Въ этой обрисовкѣ Барклая де Толли Пушкинъ дѣлаетъ удивительно правильную характеристику одного изъ выдающихся нашихъ полководцевъ эпохи Наполеона, даетъ надлежащую оцѣнку тѣхъ условій, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать, и съ необыкновеннымъ историческимъ чутьемъ указываетъ тѣ причины, которыя создали эти въ высшей степени неблагоприятныя для дѣятельности полководца условія.

Съ меньшей любовью, глубокимъ, теплымъ чувствомъ и съ искреннимъ сердечнымъ благоговѣніемъ Пушкинъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ останавливается на другомъ боевомъ дѣятелѣ знаменательнаго похода, на Кутузовѣ.

Въ своей вдохновенной одѣ „Къ тѣни полководца“ великій поэтъ прежде всего даетъ поэтическое описаніе Казанскаго собора въ Петербургѣ, гдѣ покоится прахъ побѣдителя гения войны, при чемъ въ этомъ картинномъ описаніи подчеркивается подробность военнаго характера: „знаменъ нависшій рядъ“, тѣхъ вражескихъ знаменъ, которыя явились нашими боевыми трофеями въ результатѣ искусной дѣятельности маститаго полководца.

Затѣмъ Пушкинъ даетъ въ высшей степени художественную и чрезвычайно вѣрную характеристику Кутузова, изложенную, какъ это всегда бываетъ у Пушкина, въ чеканныхъ, сжатыхъ, но сильныхъ стихахъ.

Въ этой характеристикѣ поэтъ земли русской особенно подчеркиваетъ, что Кутузовъ является нашимъ національнымъ героемъ, что онъ — прежде всего и больше всего русскій.

Устраивая поэтическія поминки — въ силу своей любви къ Россіи, въ силу своего патріотизма — только русскимъ военнымъ дѣятелямъ, Пушкинъ дѣлаетъ какъ бы исключеніе: его сильно привлекаетъ образъ Наполеона, и онъ посвящаетъ ему не одно изъ своихъ стихотворныхъ произведеній. Особенно яркимъ въ этомъ отношеніи является стихотвореніе „Наполеонъ“, написанное по поводу смерти гениальнаго Корсиканца.

Съ обычнымъ для него мастерствомъ Пушкинъ въ этомъ произведеніи въ короткихъ, но отчетливыхъ словахъ выясняетъ весь смыслъ и все значеніе Наполеона, какъ міроваго дѣятеля, подчеркиваетъ, что только посредствомъ войны Наполеонъ достигъ своего могущества и своей славы, и, наконецъ, выясняетъ, что то и другое онъ потерялъ благодаря Россіи, которую, по выраженію поэта, онъ „поздно разгадалъ“.

Нельзя не отмѣтить, что вѣрный себѣ Пушкинъ и здѣсь, говоря о Наполеонѣ, все же больше думалъ о дорогой для него Россіи, и величественный образъ гениальнѣйшаго полководца, такъ искусно и вдохновенно имъ же нарисованный, не могъ заслонить въ немъ ни сознанія ни чувства по отношенію къ его великой родинѣ.

Въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ Пушкинъ неоднократно даетъ описаніе военныхъ дѣйствій.

Эти описанія преимущественно касаются боя, сраженія, что является вполне естественнымъ, такъ какъ изъ всѣхъ военныхъ явленій бой по своей природѣ, по своимъ свойствамъ наиболѣе поддается художественному, поэтическому изображенію.

Такое изображеніе боя мы встрѣчаемъ у Пушкина въ драмѣ „Борисъ Годуновъ“, въ одѣ „На возвращеніе государя императора изъ Парижа“, въ повѣсти „Капитанская дочка“ и въ поэмѣ „Полтава“.

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, за исключеніемъ „Полтавы“, Пушкинъ очерчиваетъ бой однимъ-двумя штрихами, не давая подробнаго его изображенія. Лишь въ поэмѣ „Полтава“ поэтъ рисуетъ Полтавскую битву значительно подробнѣе.

Въ повѣсти „Капитанская дочка“, произведеніи, написанномъ прозой, Пушкинъ боевыя столкновенія описываетъ хотя кратко, безъ специальныхъ подробностей, но фактически правдиво и въ полномъ соотвѣтствіи какъ съ матеріальной военной культурой того времени, такъ и съ духомъ эпохи.

Въ стихотворныхъ же изображеніяхъ боя об-

ращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что подчиненный требованіямъ поэтическимъ Пушкинъ допускаетъ крупныя неточности, которыя рѣжутъ слухъ специалиста и у каждаго читателя могутъ создать не вполне правильныя представленія о характерѣ даннаго боевого столкновенія.

Такъ, въ одѣ „На возвращеніе государя императора изъ Парижа въ 1815 году“, рисуя бои, происшедшіе между русской арміей и наполеоновскими войсками, Пушкинъ сожалѣетъ, что ему не пришлось „сражаться подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ“. Упомянутіе здѣсь о стрѣлахъ является несомнѣннымъ анахронизмомъ, такъ какъ въ Наполеоновскую эпоху ни одна армія въ своемъ вооруженіи стрѣлъ уже не имѣла.

Напротивъ, въ описаніи Полтавскаго боя, описаніи, нужно сказать, очень подробномъ, Пушкинъ, съ одной стороны, весь ходъ боя изображаетъ не совсѣмъ такъ, какъ онъ происходилъ въ дѣйствительности, а, съ другой стороны, даетъ совершенно не соотвѣтствующую времени подробность, а именно говоритъ о разсыпавшихся въ кустахъ стрѣлкахъ. Между тѣмъ, въ Петровское время ни одна армія не знала стрѣлковъ, дѣйствовавшихъ въ разсыпномъ строю.

Можемъ ли мы, однако, поставить въ вину нашему величайшему поэту эти двѣ неточности въ описаніи Полтавскаго боя?

Конечно, нѣтъ!

Во-первыхъ, даже спеціалисты, военные историки, лишь сравнительно недавно возстановили истинную картину этого славнаго и знаменательнаго боя, и, разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго, что Пушкинъ въ 1828 году не могъ этого сдѣлать.

Во-вторыхъ, въ военномъ дѣлѣ вообще и въ особенности при боевыхъ столкновеніяхъ первенствующее мѣсто принадлежитъ не матеріальной сторонѣ, представляемой вооруженіемъ и другими данными технического характера, а моральной сторонѣ, выявляемой духомъ, внутренними качествами человека, который въ массѣ составляетъ армію, и который является руководителемъ этой массы — полководцемъ.

А вотъ эта-то — именно духовная — сторона проникновенно схвачена Пушкинымъ въ его вдохновенномъ изображеніи Полтавскаго боя.

Съ этой точки зрѣнія мы не знаемъ изображенія боя, болѣе отвѣчающаго духу этого страшнаго явленія, его природѣ.

Здѣсь необычайно красиво нарисована Пушкинымъ та внѣшняя обстановка, въ которой происходилъ бой, при чемъ въ высшей степени поэтично явленія природы связаны съ видимыми проявленіями боя.

Великій поэтъ чрезвычайно удачно нѣсколькими красивыми словами обрисовываетъ дѣятельность каждаго отдѣльнаго рода войскъ и мѣтко устанавливаетъ ихъ взаимодѣйствіе, поэтично и притомъ вполне вѣрно опредѣляя ихъ значеніе и ихъ роль въ бою.

Поразительно, какъ Пушкинъ, не будучи спеціалистомъ, вѣрно схватилъ важнѣйшій моментъ боя — его переломъ въ нашу пользу и въ художественной и въ то же время сильной формѣ изложилъ этотъ моментъ.

Лишь только Пушкину доступными словами и сочетаніями ихъ обрисованъ въ Полтавскомъ бою великій царь и полководецъ — Петръ.

Необыкновенно чутко схватилъ Пушкинъ ту невидимую внутреннюю связь, которая устанавливается между арміей и ея любимымъ вождемъ, связь, которая особенно сильно ощущается въ рѣшительныя минуты боя, и которая, поднимая духъ арміи на недостижимую высоту, обезпечиваетъ ей побѣду.

Какъ никто другой, нашъ великій поэтъ въ художественной формѣ, чисто по-пушкински, отбѣнилъ все громадное значеніе личности полководца въ бою въ связи съ его искусствомъ, моральными качествами и тѣмъ вліяніемъ, которое онъ оказываетъ на войска, вѣряющія въ него.

Чрезвычайно красиво, поэтично и притомъ правдиво сдѣлано Пушкинымъ сопоставленіе вождей двухъ борющихся армій — Петра и Карла.

Уже въ самой обрисовкѣ этихъ вождей не только чувствуется разница въ ихъ характерѣ, въ ихъ поведеніи, въ ихъ настроеніи, но и предвидится тотъ неизбѣжный результатъ боя, который долженъ былъ явиться слѣдствіемъ всей предшествовавшей дѣятельности Петра.

И все поэтическое изображеніе Пушкинымъ Полтавскаго боя согрѣто безмѣрной любовью автора къ Россіи.

Оно проникнуто восторгомъ передъ великимъ царемъ — этимъ „суровымъ въ наукѣ славы учителемъ Россіи“. Оно звучитъ преклоненіемъ предъ русской арміей.

Повторяю, мы не знаемъ лучшаго, наиболѣе правдиваго по внутреннему содержанию, наиболѣе красиваго, вдохновеннаго, поэтическаго изображенія одного изъ самыхъ потрясающихъ явленій въ жизни человѣчества — боя.

Итакъ, война захватывала Пушкина. Онъ придавалъ ей большое значеніе, онъ видѣлъ въ ней одинъ изъ источниковъ своего вдохновенія, онъ считалъ, что она дала много Россіи, не только создавъ ея политическое могущество, но способствуя также культурному строительству, что она благотворительно воздѣйствовала на русскій народъ, воспитывая въ немъ благородство, развивая въ немъ чувство чести, прививая ему самоотверженіе, укрѣпляя въ немъ чувство долга, поднимая въ немъ на высшую ступень любовь къ родинѣ, сознательный, здоровый патріотизмъ.

Пушкинъ, вѣщій Пушкинъ, величайшій русскій народный поэтъ, носитель русскаго идеала, является нашимъ учителемъ, нашимъ свѣточемъ, указывающимъ и освѣщающимъ тѣ пути, по которымъ должна идти наша національная жизнь, развиваться наше национальное самосознаніе и укрѣпляться наша любовь къ Россіи и наша вѣра въ ея высокое призваніе.

И нѣтъ никакихъ основаній, принимая мессіанство Пушкина въ цѣломъ, отвергать то, что онъ даетъ намъ въ пониманіи войны, въ опредѣленіи ея значенія и въ отношеніи къ ней.

А. Байовъ.

Ревель.

Памятникъ юному Пушкину въ Царскомъ Селѣ.

Стихотвореніе Антона Ашкерца. *)

Туда, на волю — въ зелень чащи парка,
Изъ душистой комнаты на свѣжій воздухъ
Тебя зоветъ весны цвѣтущей утро...
Заря встаетъ, заря смѣняетъ ночь.

И ты ушелъ поспѣшными шагами,
Закутавшись въ лицейскій плащъ, мелькая
Воздушной тѣнью средь деревьевъ сонныхъ,
Въ завѣтный уголокъ уединенья,
Гдѣ царствуетъ святая тишина...

Хотѣлъ ты быть наединѣ съ собою.

И сѣлъ на низкую скамью, отдавшись
Воспоминаньямъ ночи вдохновенья,
Восторговъ творческихъ... Какъ называть ихъ —
Благословеньемъ или испытаньемъ?
Едва придуть — и нѣтъ покоя сердцу:
За думой думы бьются, словно волны,
Рожденные въ ночи морскою бурей,
И неустанно въ глубинѣ сердечной
Стихійныхъ чувствъ потокъ кипитъ и рвется
На волю и навстрѣчу ласкамъ солнца
И воплощенья ищетъ въ мощномъ словѣ,
Въ чудесныхъ пѣсняхъ, въ сладкозвучныхъ строфахъ...
О, эти мысли, образы и чувства!
Какъ ихъ тѣснить предѣлы груди нашей...

Блаженны вы, минуты вдохновенья,
Блаженъ порывъ лирическихъ восторговъ,
Когда сама собой родится пѣсня,
И, подъ рукой невидимаго Бога
Дрожа, поютъ для міра струны сердца.

Ты вновь теперь тотъ мигъ переживаешь.
Во власти думъ и творческихъ мечтаній
Склонился ты на руку головою,
Взоръ устремивъ въ синѣющія дали...
Куда тебя уносить сновидѣнье?
Какая пѣснь въ душѣ поэта зрѣтъ:
Мелодія ли дѣвственной печали,
Или симфонія народныхъ сказокъ,
Иль гимны старины сѣдой и важной?
Какъ разгадать твои мечты и грезы?
Быть можетъ, ты и самъ еще не знаешь,
Какой мотивъ звучать сегодня будетъ,
Какія строфы нынче на бумагу
Изъ-подъ пера польются вдохновенно.

*) Антонъ Ашкерцъ (1856-1912), выдающийся словенскій поэтъ, принадлежалъ къ числу искреннѣйшихъ друзей Россіи. Онъ былъ восторженнымъ почитателемъ Пушкина и, посѣтивъ Царское Село вскорѣ послѣ открытія тамъ памятника Пушкину лицеисту,

Очей не отрывая, вдаль глядишь ты,
И грудь полна надеждою и силой.
Какъ молода ты весеннимъ утромъ этимъ,
Какъ молода тобой твоя отчизна!

Пушкинъ-лицеистъ.

(Верхняя часть памятника Пушкину въ Царскомъ Селѣ).

Вотъ солнца лучъ сквозь сѣнь вѣтвей пробился
И, какъ съ высотъ слетѣвшій горній геній,
Твое чело спокойное лобзаетъ...
Ты чувствуешь привѣтъ небесъ и знаешь:
Надъ родиной твоей взошла заря!

Со словенскаго перевелъ
Сергій Штейнъ.

написалъ приводимое здѣсь стихотвореніе. Оно переведено специально для Пушкинскаго номера „Послѣднихъ Извѣстій“ историкомъ славянскихъ литературъ, прив.-доц. С. В. Штейномъ.
Ред.

А. С. ИЗГОВЕВЪ.

Пушкинъ и современность.

Герцену принадлежитъ одно изъ самыхъ проникновенныхъ словъ, сказанныхъ о Пушкинѣ: на приказъ Петра образоваться русскій народъ черезъ сто лѣтъ отвѣтилъ гигантскимъ явленіемъ Пушкина. Глубина и правда этихъ герценовскихъ словъ поразительны. Пушкинъ, — конечно, вѣнецъ и оправданіе Петровской реформы. Пушкинъ, это — и величайшее достиженіе Петровской Россіи и ея обѣтованіе, указаніе на пути грядущаго развитія

русской культуры. Изъ Пушкина вышла вся русская литература, не только безспорно пушкинскіе Тургеневъ, Толстой, Фетъ, Тютчевъ, но, казалось бы, и столь далекіе отъ него, какъ Достоевскій и даже Щедринъ. Несомнѣнно, что въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, „Цыганахъ“, „Моцартъ и Сальери“, „Пирѣ во время чумы“, „шалости“, какъ назвалъ Пушкинъ свое стихотвореніе „Бѣсы“, заложенъ и весь Достоевскій, а въ „Исторіи села Горохина“ — Щедринъ.

Когда въ Россіи по настоящему запахло революціей, получившей при своемъ осуществленіи большевистскій характеръ, одинъ изъ нелюбимыхъ таланта поэтовъ, превратившійся вскорѣ же въ мычащаго прислужника побѣдоносной дикости, Маяковский, выступилъ съ характернымъ предложеніемъ столкнуть Пушкина „съ парохода современности“. Большевистская власть, воплотившая въ себѣ всю ту дикую, кочевую азіатчину, которая сидѣла въ русскомъ народѣ и оставалась въ немъ послѣ крушенія самодержавной монархіи, это заданіе и пыталась осуществить. Въ настоящее время въ сов. Россіи Пушкинъ почти изгнанъ изъ народныхъ школъ и замѣненъ безграмотными прокламаціями зиновьевскаго коминтерна. „Капитанская дочка“ удостоилась даже помѣщенія въ списокъ изъятыхъ изъ публичныхъ библиотекъ книгъ. Но именно теперь ярче, чѣмъ когда-либо, чувствуется великое значеніе Пушкина для Россіи, русскаго народа, русской интеллигенціи, значеніе не только историческое, какъ, напр., Ломоносова или Карамзина, но вполне современное, можно сказать, даже злободневное. Нѣтъ, не такъ-то легко сбросить Пушкина съ „парохода современности“. . . Русское судно безъ Пушкина превращается даже не въ корабль, а тѣмъ менѣе въ современный пароходъ, а въ огромную, но нескладную, допотопную, азіатскую фелюгу, безсильную бороться съ дикой стихіей, осужденную на безславную гибель.

Когда въ Россіи возстанется культура, въ ней возстанется и Пушкинъ. Мало того, онъ станетъ основой воспитанія русскихъ дѣтей. Поразительно, до чего мало онъ устарѣлъ, несмотря на всѣ огромныя завоеванія русскаго языка и литературы. Стоитъ открыть Пушкина на любой страницѣ его поэзіи или прозы — и вы видите, какъ до сихъ поръ живо пушкинское слово, какими яркими красками отливаетъ оно, какое богатство чувствъ и мыслей способно оно давать каждому, кто только захочетъ испить изъ этого основного источника русской культуры.

Пушкинскія описанія русской природы—и до сихъ поръ самое красивое, самое полное и общедоступное, что мы можемъ дать нашимъ дѣтямъ. Это особенно должны чувствовать и понимать зарубежные русскіе. Хотите, чтобы ваши дѣти, несмотря на чужеземную обстановку, любили Россію, съ пяти-шестилѣтняго возраста учите ихъ стихотвореніямъ Пушкина. У нашего гениальнаго поэта на ряду со стихами, доступными человѣку, продумавшему міровыя философскія проблемы, есть стихи, всецѣло доступныя пониманію пяти-шестилѣтняго ребенка. Что еще характернѣе, эти стихи своей красотой, простотой, ясностью мысли и чувства способны одинаково плѣнить и ребенка и взрослого. Лучшаго критерія всенародности поэта нельзя, конечно, найти. . . Поистинѣ,

„Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа. . .

„Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
„И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
„Тунгузъ, и другъ степей, калмыкъ.

За границей за послѣдніе годы „русскаго изгнанія“ Пушкинъ издавался неоднократно. Но

меня поражаетъ, почему до сихъ поръ издатели не догадались выпустить отдѣльныя изданія Пушкина, всецѣло приспособленныя къ возрастамъ. Можно и надо издать Пушкина, всецѣло доступнаго для дѣтей до десятилѣтняго возраста. Какая это будетъ прекрасная и поучительная книга! Тутъ есть надъ чѣмъ поработать въ выборѣ изъ пушкинской поэзіи и прозы, вплоть до переписки, и нашимъ педагогамъ и нашимъ художникамъ-иллюстраторамъ. Затѣмъ надо издать Пушкина для юношества, такъ приблизительно до шестнадцатилѣтняго возраста. Наконецъ, русскимъ людямъ старше этого возраста можно дать въ руки полное собраніе сочиненій поэта. Такъ какъ я глубоко убѣжденъ, что въ основѣ будущаго гуманно-литературнаго воспитанія русскихъ дѣтей будетъ лежать именно Пушкинъ, то эта работа представляется мнѣ одной изъ самыхъ важныхъ и настоятельно необходимыхъ.

Но не только съ этой, чисто педагогической, стороны Пушкинъ и нынѣ имѣетъ великое злободневное значеніе, хотя и роль образовательнаго фундамента всего народа сама по себѣ огромна. Пушкинъ сохраняетъ, конечно, и нынѣ все свое эстетическое значеніе, какъ неумирающій источникъ красоты, красоты природы и человеческого чувства. Пока не изсякнетъ любовь, ни одинъ русскій не сможетъ безъ душевнаго трепета читать такіе стихи, какъ „На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла“ или „Я васъ любилъ; любовь еще, быть можетъ“... Пусть меня упрекаютъ въ національномъ самомиѣннѣи, но мнѣ, дѣйствительно, кажется, что это—высшее, что имѣется въ любовной лирикѣ всѣхъ народовъ. Французъ и нѣмецъ, конечно, съ этимъ не согласятся, но что подѣлать, когда на меня ни одни французскіе или нѣмецкіе стихи не производятъ такого впечатлѣнія, какъ эти изумительные по простотѣ и чарующей красотѣ жемчужины русскаго поэта.

Изъ области эстетической я хочу спуститься въ другую, гораздо ниже лежащую, грубую, порой жестокую и скудную, но широкую и обширную, область политическую. И здѣсь возвратъ къ Пушкину становится съ каждымъ днемъ опредѣленнѣе и рѣзче лозунгомъ тѣхъ русскихъ людей, которые понимаютъ, что разыгравшаяся революція, выкинутая на поверхность тѣ огромные еще запасы азіатской дикости, которые таились въ русскомъ народѣ, сдавливаемые, но не перерабатываемые полицейскою государственностью, ставятъ роковой для Россіи вопросъ о русской культурѣ. Гдѣ, на самомъ дѣлѣ, ея основы, въ Азіи или въ Европѣ, въ кочевомъ ли бытѣ разбойничьихъ скифскихъ ордъ, въ рабской ли приниженности безличной и нищей сельской коммуны, или въ національной переработкѣ европейской культуры, въ продолженіи, освященіи и развитіи Петровской реформы? Послѣднее направленіе приводитъ къ Пушкину и идетъ отъ него.

Пушкинъ — величайшій русскій европеецъ, не бездарный, жалкій заимствователь и подражатель, а великій національный творецъ, воистину самобытно, по-русски переработавшій тѣ міровыя общечеловѣческія начала, которыя содержатся въ европейской культурѣ, и безъ которыхъ не можетъ существовать Россія.

Поразительна правдивость Пушкина и его чувство мѣры. Правдивость его не только мелоч-

ная, детальная, когда изъ-за вѣрности подробностей человекъ просматриваетъ цѣльный смыслъ всего явленія и придаетъ ему поэтому нерѣдко совершенно ложныя очертанія. Пушкинъ органически не выносилъ лжи и безвкусовой неправды. Но онъ умѣлъ отъ нихъ отличать ту истинную и правдивую идеализацію явленія, безъ которой въ жизни не существуетъ ничего цѣльнаго, ничего прекраснаго. Возьмите самое красивое человеческое лицо и начните разсматривать его, квадратикъ за квадратикомъ, въ лупу. Ничего, кромѣ морщинъ, складокъ, заполненныхъ жиромъ, грязью, вы не увидите. Но развѣ въ этомъ правда красиваго человѣскаго лица? Такъ и въ области социальныхъ и политическихъ явленій одного только вѣрнаго и точнаго знанія подробностей не всегда достаточно для пониманія и оцѣнки эпохъ и законченныхъ событий. У Пушкина при его рѣдкой правдивости всегда было и это чувство общаго смысла. Съ этой точки зрѣнія онъ былъ дѣйствительно религиознымъ человекомъ, хотя напрасно было бы стараться выдать его за исповѣдника какой-либо опредѣленной догматической системы.

Вопросъ о политическихъ взглядахъ Пушкина, несомнѣнно,—одинъ изъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ.

Избавленный лично Николаемъ I отъ общей съ другими его друзьями-декабристами судьбы, Пушкинъ за эту услугу заплатилъ царю очень большою цѣной. Онъ пошелъ ко двору. Женитьба на бѣдной, но очень честолюбивой, мечтавшей о высшемъ аристократическомъ кругѣ, красивой женщинѣ еще усугубила приносимую Пушкинымъ жертву. Своимъ яснымъ умомъ онъ понималъ и больно чувствовалъ, какую оскорбительную роль навязывалъ ему царскій дворъ, напавъ на него, совершенно зрѣлаго гениальнаго поэта, ливрею камеръюнкера и заставляя его наравнѣ съ другими восемнадцатилѣтними камеръюнкерами отбывать всѣ сопряженныя съ этой ливреей обязанности. Въ дневникахъ и письмахъ Пушкина сохранилось немало очень злыхъ по этому поводу замѣчаній и горько-обидныхъ жалобъ. Но положеніе обязываетъ. Пушкинъ долженъ былъ высказывать извѣстные официальные взгляды, и онъ высказывалъ ихъ, несомнѣнно, очень часто совершенно ихъ не раздѣляя. Сюда же присоединялась и Николаевская цензура. Надо считать, напр., установленнымъ, что рѣзкія личныя нападки Пушкина на Радищева въ статьѣ, не напечатанной, но предназначавшейся для печати, объясняются именно военной хитростью русскаго подцензурнаго писателя, пытавшагося хоть такимъ путемъ ознакомить русскихъ читателей съ опальн. й книгой Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Въ замѣчаніяхъ о Радищевѣ, равно какъ и во многихъ другихъ вынужденныхъ

оцѣнкахъ и высказываніяхъ Пушкина нельзя видѣть выраженія его подлинныхъ политическихъ мыслей и чувствъ. Быть можетъ, вѣрнѣе всего его политическія воззрѣнія выразились въ одномъ восклицаніи, вырвавшемся у Пушкина въ стихотвореніи, написанномъ въ 1819 году, т. е. на томъ рубежѣ, когда отъ своихъ юношескихъ, иногда довольно слабыхъ, произведеній онъ началъ переходить къ полнымъ жизни и таланта, постепенно все болѣе и болѣе зрѣлымъ вещамъ. Двадцатилѣтній Пушкинъ спрашивалъ:

„Увижу ль я, друзья, народъ освобожденный
„И рабство, падшее по манію царя,
„И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
„Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Онъ не увидѣлъ ни того ни другого. Освобожденіе крестьянъ пришло только черезъ 42 года, а „просвѣщенной свободы“ Россія не дождалась и по сей день. Объ этой „просвѣщенной свободѣ“ Пушкинъ не переставалъ мечтать всю жизнь. Но онъ желалъ русской свободы, свободы при сохраненіи величія и силы русскаго государства. Пушкинъ былъ, говоря современнымъ политическимъ языкомъ, конечно, русскимъ націоналистомъ, но какой широтой и благородствомъ отличается его націонализмъ! Съ полнымъ правомъ могъ онъ сказать про себя: „И неподкупный голосъ мой былъ эхо русскаго народа“. Въ своей знаменитой рѣчи Достоевскій отмѣтилъ, какъ главную русскую национальную черту Пушкина, его всечеловѣчность, отзывчивость его души на все прекрасное у другихъ народовъ. Второй такой же чертой Пушкина является его благородство, истинная гуманность. Одно изъ такъ называемыхъ шовинистическихъ стихотвореній Пушкина, въ которомъ немало дѣйствительно слабыхъ и риторическихъ мѣстъ („Бородинская годовщина“), вдругъ, какъ блескомъ молніи, пронизывается, напр., такими яркими, прекрасными стихами:

„Въ бореньѣ падшій невредимъ.
„Враговъ мы въ прахъ не топтали.
„Мы не сождемъ Варшавы ихъ...
„Они народной Немезиды
„Не узрять гнѣвнаго лица
„И не услышатъ пѣснь обиды
„Отъ лиры русскаго пѣвца.

Когда закончится шкваль той азіатской дикости, которая подъ флагомъ коммунизма заливаютъ теперь Россію, и русская интеллигенція получитъ возможность работать для своего народа, она вернется и въ политикѣ къ пушкинскимъ традиціямъ национальной, русской, благородной просвѣщенной свободы.

А. С. Изгоевъ.

Гансаль.

Первоклассное кафэ

Ф Е Й Ш Н Е Р А.

Новая ул., 45, тел. 19-50.

Новооткрытое письмо Пушкина.

Прорицанія историковъ русской литературы о томъ, что въ наши дни нельзя уже ожидать новыхъ открытій въ области пушкинскаго текста, къ счастью, не оправдываются.

Годъ тому назадъ Пушкинскій Домъ при Російской Академіи Наукъ выпустилъ въ свѣтъ цѣлую книгу „Неизданный Пушкинъ“, пользуясь матеріалами собранія извѣстнаго парижскаго коллекціонера А. Э. Онѣгина (Отто), откуда были извлечены отдѣльные стихи, отрывки художественной и критической прозы Пушкина, его записки и т. д.

Теперь же издательство „Атеней“ въ Петербургѣ отпечатало первый выпускъ сборника „Литературные портфели“, въ которомъ среди прочихъ историко-литературныхъ матеріаловъ помѣщено открытое извѣстнымъ ученымъ Б. Л. Модзалевскимъ оставшееся до сей поры неизвѣстнымъ письмо Пушкина его лицейскому товарищу, другу и литературному единомышленнику, бар. Ант. Ант. Дельвигу (1798-1831).

Письмо это было послано поэтомъ изъ Москвы въ Петербургъ и датируется — согласно убѣдительнымъ доказательствамъ Б. Л. Модзалевскаго — 2-мъ марта 1827 года.

Имѣя въ виду недоступность для большинства нашихъ читателей сборника „Литературные портфели“, изданнаго къ тому же въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, считаемъ умѣстнымъ воспроизвести новооткрытое письмо Пушкина на столбцахъ юбилейнаго номера „Послѣднихъ Извѣстій“, посвященнаго великому русскому поэту.

* * *

Вотъ это письмо:

„Милый мой, на дняхъ, разсердясь на тебя и на твое молчаніе, написалъ я Веневитинову ¹⁾ суровое письмо. Извини: у насъ была весна, оттепель, и я ни слова отъ тебя не получалъ около двухъ мѣсяцевъ — поневолѣ взбѣсишься. Теперь у насъ опять морозъ, весну-дуру мы опять спровадили, отъ тебя письмо получено — все, слава Богу, благополучно. ²⁾ Жду „Цыгановъ“ ³⁾ и тотчасъ тисну. Ты пеняешь мнѣ за „Моск. Вѣстникъ“ ⁴⁾ и за нѣмецкую Метафизику. Богъ видитъ, какъ я ненавижу и презираю ее; ⁵⁾ да что дѣлать! Собрались ребята теплые, упрямые; попъ — свое, а чортъ — свое. Я говорю: Господа, охота вамъ изъ пустого въ порожнее переливать — все это хорошо для нѣмцевъ,

1) Дм. Вл. Веневитиновъ (1805-1827) — поэтъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ журнала „Московскій Вѣстникъ“.

2) Какъ извѣстно, Пушкинъ не любилъ весны. Всѣмъ временамъ года онъ предпочиталъ осень, какъ пору, наиболѣе благоприятную для его художественнаго творчества.

3) Поэма Пушкина „Цыганы“ печаталась въ Петербургѣ и вышла въ свѣтъ въ половинѣ мая 1827 года.

4) „Московскій Вѣстникъ“ былъ журналомъ, вокругъ котораго объединились т. н. „любомудры“, сторонники шеллинговой философіи. Въ составъ этого кружка входили, кромѣ упомянутаго уже Веневитинова, кн. В. Э. Одоевскій, Погодинъ, Шевыревъ, Титовъ, Рожалинъ и др.

5) Извѣстно равнодушіе Пушкина къ теоретической философіи вообще. Это мѣсто письма его къ Дельвигу особенно интересно, какъ авторитетное подтвержденіе указанной пушкинской черты.

6) Намекъ на разсужденія упавшаго въ яму героя басни „Метафизикъ“ И. И. Хемницера (1745-1784).

пресыщенныхъ уже положительными познаніями, но мы... „Моск. Вѣстн.“ сидитъ въ ямѣ и спрашиваетъ: веревка вещь какая? ⁶⁾ (Впрочемъ, на этотъ метафизическій вопросъ можно бы и отвѣчать, да NB). А время — вещь такая, которую ни съ какимъ „Вѣстникомъ“ не стану я терять. Имъ же хуже, если они меня не слушаютъ.

Левъ ⁷⁾ былъ здѣсь — малый проворный, да жаль, что пьетъ. Онъ задолжалъ у Вашего Andrieux ⁸⁾ 400 рублей... Воображаетъ, что имѣніе его разстроено, и что истощилъ всю чашу жизни. Ёдетъ въ Грузію, ⁹⁾ чтобъ обновить увядшую душу. Уморительно!

Плетневъ, ¹⁰⁾ нашъ мизантропъ, пишетъ мнѣ трогательное письмо; жалуется на меня, на тебя, на твою грань-пасьянсъ ¹¹⁾ и говоритъ: Мнѣ страшно думать: это — люди! Плетневъ, душа моя! что тутъ страшнаго? Люди — сирѣчь дрянъ... Плюнь на нихъ да и квитъ!

Скорѣй же „Цыгановъ“! Да что твои Цвѣты-цвѣточки? ¹²⁾“

* * *

Нельзя не присоединиться къ оцѣнкѣ новооткрытаго пушкинскаго письма, сдѣланной Б. Л. Модзалевскимъ:

„Весь искристый блескъ своего ума, все прядушіе нрава, все, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго, „непомѣрное добросердечіе и простосердечіе“, добродушную шутливость и въ то же время глубокую мудрость, тонкую наблюдательность и знаніе человѣческой природы выразилъ Пушкинъ въ этихъ немногихъ дружескихъ строкахъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что письмо Пушкина къ Дельвигу — одно изъ наиболѣе блестящихъ писемъ всей его замѣчательной переписки, этого удивительнаго памятника никогда немеркнущаго фейерверка мыслей и чувствъ“...

Но даже и въ томъ случаѣ, если бы новооткрытое письмо Пушкина не отличалось такими высокими достоинствами, оно все же должно было бы свято и бережно быть сохранено въ нашей памяти, потому что каждая строчка, вышедшая изъ подъ пера величайшаго русскаго поэта, составляетъ наше національное сокровище, которымъ мы имѣемъ право гордиться, какъ духовною цѣнностью непреходящаго, вѣчнаго значенія.

П. И.

7) Левъ Серг. Пушкинъ (1806-1852) — братъ поэта, поступившій въ то время на военную службу. А. С. Пушкинъ не разъ выручалъ его изъ затруднительнаго положенія, платя за него долги и устраивая его матеріальныя дѣла.

8) Андриэ — извѣстный въ 1820-ыхъ годахъ петербургскій рестораторъ.

9) Левъ Серг. Пушкинъ служилъ въ стоявшемъ въ Тифлисѣ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, въ рядахъ котораго принималъ участіе во многихъ боевыхъ дѣлахъ.

10) П. А. Плетневъ (1792-1865) — профессоръ по кафедрѣ русской словесности въ петербургскомъ университетѣ, другъ Пушкина и издатель нѣкоторыхъ его произведеній.

11) Намекъ на анекдотическую лѣнь Дельвига и на его особое пристрастіе къ раскладыванію пасьянса.

12) Альманахъ Дельвига „Сѣверные цвѣты“ вышелъ въ свѣтъ 28 марта 1827 года. На его страницахъ было помѣщено знаменитое письмо Татьяны изъ романа „Евгеній Онѣгинъ“, а также стихотвореніе „Къ * * *“ („Я помню чудное мгновенье“), обращенное къ Ан. Петр. Кернъ.

Пушкинъ въ эстонскихъ переводахъ.

Вмѣсто предисловія.

Библиографія эстонскихъ переводовъ произведеній Пушкина оставалась до послѣдняго времени почти вовсе неразработанной. Такъ, въ обширномъ библиографическомъ указателѣ „Ruschkiniana“, принадлежащемъ перу В. И. Межова (С.-Петербургъ, 1886), мы не находимъ ни одного упоминанія объ эстонскихъ переводахъ изъ Пушкина. На восполненіе этого пробѣла претендовалъ П. Д. Драгановъ въ своемъ „Пятидесятиязычномъ Пушкинѣ“ (С.-Петербургъ, 1899), но по незнакомству съ эстонскимъ языкомъ допустилъ рядъ грубыхъ промаховъ: такъ, между прочимъ, онъ принялъ латышскій переводъ „Капитанской дочки“ за эстонскій и т. д. (см. стр. 50-51).

Первая серьезная попытка библиографической справки объ эстонскихъ переводахъ пушкинскихъ произведеній была сдѣлана А. М. Германомъ, лекторомъ эстонскаго языка въ юрьевскомъ университетѣ. Въ своей рѣчи „Пушкинъ въ эстонской литературѣ“, произнесенной въ торжественномъ собраніи юрьевскаго университета 26 мая 1899 года, А. М. Германъ далъ общій обзоръ переводовъ изъ Пушкина, однако, далеко не отличающійся исчерпывающей полнотою.

Обстоятельства эти заставили молодого эстонскаго филолога Эрнста Нурма предпринять библиографическій трудъ по описанію эстонскихъ переводовъ произведеній Пушкина. Работа эта составила предметъ спеціальнаго научнаго доклада въ семинаріи по изученію иностранныхъ вліяній въ эстонской литературѣ, организованномъ на философскомъ факультетѣ дерптскаго университета профессоромъ Густавомъ Суйтсомъ, выдающимся знатокомъ эстонской и западно-европейскихъ литературъ.

Предлагаемый вниманію нашихъ читателей настоящій очеркъ Эрнста Нурма представляетъ собою извлеченіе изъ упомянутой выше обширной библиографической его работы. Онъ даетъ наибольшее полныя библиографическія указанія на эстонскіе переводы изъ Пушкина и — что особенно важно — приводитъ рядъ сопоставленій русскихъ и эстонскихъ текстовъ, наглядно доказывающихъ степень точности передачи пушкинскихъ подлинниковъ эстонскими переводчиками.

Прив.-доц. Сергей Штейнъ.

Изъ произведеній А. С. Пушкина на эстонскій языкъ переведена лишь незначительная часть. Стихотворные, а также нѣкоторые переводы прозаическихъ произведеній напечатаны въ различныхъ эстонскихъ газетахъ и журналахъ. Самостоятельно, отдѣльными брошюрами изданы переводы слѣдующихъ произведеній: „Капитанская дочка“ („Pealiku tütar“, 1879), „Скупой рыцарь“ („Kitsi rüütel“, 1881), „Моцартъ и Сальери“ („Mozart ja Salieri“, 1885), „Дубровскій“ („Dubrovski“, 1899) и „Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“ („Muinasjutt kalamehest ja kalast“, 1905).

I.

Лирическія стихотворенія и баллады.

Изъ числа лирическихъ стихотвореній Пушкина переведено на эстонскій языкъ двадцать произведеній, при чемъ тринадцать — одинъ разъ, пять („Бѣсы“, „Туча“, „Русалка“, „Птичка“ и „Поэтъ“) — два раза, одно („Зимняя дорога“) — три раза и одно („Зимній вечеръ“) — четыре раза.

Лучшимъ переводчикомъ нужно признать поэта Якова Тамма (Jakob Tamm), который перевелъ пять стихотвореній, а именно: „Птичку“ — „Linnukene“ („Meelejahutaja“, 1887, стр. 325), „Пророка“ — „Prohvet“ („Oma Maa“, 1889, стр. 383), „Поэта“ — „Luuletaja“ („Oma Maa“, 1889, стр. 384), „Зимнюю дорогу“ — „Taline tee“ („Eesti Postimehe õhtused kõned“, 1897 г., № 3, стр. 24) и „Бѣсовъ“ — „Tondid“ („Eesti Postimehe õhtused kõned“, 1897, стр. 408).

Переводы Я. Тамма вообще и, въ частности, его переводы изъ Пушкина отличаются точностью языка и изяществомъ формы. Превосходенъ, напримеръ, переводъ „Пророка“. То же самое можно сказать о переводѣ „Птички“, гдѣ изящество

формы повышается еще аллитераціей. Приводимъ начало этого перевода:

Въ чужбинѣ свято наблюдаю	Ma pean pühaks võbral rajal
Родной обычай старины:	Mu kodu kombeid kindlasti,
На волю птичку выпускаю	Ja lasen õiepüha ajal
При свѣтломъ праздникѣ весны.	Ka linnu lahti lahkesti.

Переводъ „Зимней дороги“ въ передачѣ чувствъ и настроенія также чрезвычайно близокъ къ оригиналу. Для сравненія приводимъ пятую строфу параллельно, въ подлинникѣ и въ переводѣ:

Скучно, грустно... Завтра, Нина,	Igav, tüütu... Homme juba
Завтра, къ милой возвратясь,	Olen, Liina, sinu pool...
Я забудусь у камина,	Kamin kõeb... Soe tuba...
Загляжусь, не наглядясь.	Sind mul näha ainus hool.

Нѣсколько уступаютъ приведеннымъ переводы „Поэта“ и „Бѣсовъ“.

У извѣстнаго эстонскаго публициста и общественнаго дѣятеля Аду Гренцштейна (Aadu Grenzstein) въ его газетѣ „Olevik“ находимъ два перевода изъ Пушкина: „Туча“ — „Pilv“ (1899 г., № 21., стр. 491) и „Памятникъ“ — „Mälestussammas“ (1899 г., № 22, стр. 505).

Переводы эти, однако, слишкомъ свободны и потому трудно сравнимы съ соотвѣтствующими стихотвореніями Пушкина, имѣя съ ними только общіе мотивы. Въ частности, переводъ „Памятника“ значительно сокращенъ, при чемъ 6-стопный ямбъ замѣненъ 4-стопнымъ. Приводимъ его начало:

Mul valmis mälestusesammas,
Ma lõin ta oma väega;
Ei teda riku ajahammas:
Ta pole tehtud käega.

Два стихотворенія Пушкина переведены I. Лепникомъ (I. Leppik), а именно: „Зимній вечеръ“ — „Talve õhtu“ („Meelejahutaja“, 1887 г., № 7, стр. 54)

и „Талисманъ“ — „Talisman“ („Oleviku lisa“, 1889 г., № 17, стр. 265). Переводъ „Зимняго вечера“ въ общемъ удовлетворителенъ, хотя мѣстами далеко отходитъ отъ оригинала. Гораздо ниже переводъ „Талисмана“: онъ является результатомъ не художественнаго перевода, а ученическаго упражненія въ риѳмоплетствѣ.

Кромѣ перевода Леппика, имѣются еще три перевода „Зимняго вечера“: 1) „Talvine õhtu“, перевелъ I. Кивисааръ (I. Kivisaar), въ газ. „Olevik“, 1890 г., № 48, стр. 1152; 2) „Talvine õhtu“, перевелъ нѣкій О. О. М., въ „Wirmalised“, 1890 г., № 6 и 3) „Talve õhtu“, переводъ Т. Е. Кузика (T. Kuusik), въ газетѣ „Valgus“, 1889 г., № 23. Всѣ они — гораздо лучше перевода Леппика, отличаясь точностью языка и хорошо передавая чувства и мысли автора. Особенно удаченъ переводъ О. О. М.

Равнымъ образомъ „Зимняя дорога“, кромѣ Я. Тамма, о работѣ котораго я сказалъ выше, еще разъ переведена Ф. Фрейманомъ (F. Freimann) подъ заглавіемъ „Talvine tee“ (газ. „Postimees“, 1896 г., № 136). Переводъ довольно точенъ, но, въ общемъ, слабѣе перевода Я. Тамма; чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно сопоставить нѣсколько ихъ строфъ. То же самое можно сказать и о третьемъ переводѣ „Talvine tee“ въ той же газетѣ (1893 г., № 28).

Въ газетѣ „Olevik“ напечаталъ два перевода изъ Пушкина еще нѣкій — rgn: „Бѣсы“ — „Tõndid“ (1895 г., № 14, стр. 332) и „Туча“ — „Pilv“ (1895 г., № 23, стр. 544). Переводы эти точнѣе упомянутыхъ переводовъ Я. Тамма и А. Гренцштейна, но по художественнымъ достоинствамъ стоятъ ниже ихъ.

Въ приложеніи къ газетѣ „Olevik“, 1884 г., № 9, стр. 138-140, помѣщенъ переводъ „Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ“ — „Tark Oleg“. Переводъ, сдѣланный поэтомъ Я. Бергманомъ (Jaap Bergmann), короче оригинала и весьма далека отъ совершенства. О точности выраженія и ясности мыслей въ немъ говорить не приходится. Для иллюстраціи приводимъ два примѣра:

Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились
[они.]

Nad lausuvad lahkunud
[aegade aust
Ja isamaa ilmunud
[ühisest jõust.

Или:

Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ — на вратахъ Царя-
[града,
И волны и суша покорны тебѣ.

Sul õnnelik alati sõdade sõit,
Sind kuulustab iganes
[kuninglik võit,
Su alamaks heidab, mis
[kuiv ja mis märg.

Въ приложеніи къ газетѣ „Sakala“, 1899 г., № 35/36, стр. 283, имѣется переводъ элегіи Пушкина „Я пережилъ свои желанья“, принадлежащій перу I. Кэгера (H. Käger):

Я пережилъ свои желанья, Я разлюбилъ свои мечты! Остались мнѣ одни сграницы, Плоды сердечной пустоты.	Ju otsas kõik mu igatsused Ja kujutused kuldsemad! Veel ainult valu, kannatused Mu tühja südant täidavad.
--	--

Переводъ, какъ мы видимъ, въ общемъ — недурной.

„Русалка“ („Näkk“) переведена два раза: въ газетѣ „Valgus“, 1890 г., № 13, Р. Ганзономъ (R. Hanson) и въ газ. „Eesti Postimees“, 1895 г., № 52, I. Ф. Мейеромъ (I. F. Meier). Оба перевода — довольно посредственны.

Въ газетѣ „Postimees“ помѣщены слѣдующіе переводы: „Я помню чудное мгновенье“ — „Mul meeles“ (1891 г., № 23), „Дорожныя жалобы“ — „Teekäigu kaebtused“ (1892 г., № 185) и „Утопленникъ“ — „Urrinud mees“ (1896 г., № 245).

Въ газетѣ „Olevik“ 1897 года находимъ переводъ стихотворенія „Разлука“ подъ заглавіемъ „Lahkumine“ и повторный переводъ „Птички“ („Linnuke“), сдѣланный А. Латтикомъ (A. Lattik). Въ той же газетѣ появились: переводъ „Молитвы“ — „Palve“, исполненный Т. Кузикомъ, и повторный переводъ „Поэта“ — „Laulik“ Г. Э. Луйги (G. E. Luiga).

Наконецъ, заслуживаютъ еще упоминанія: переводъ стихотворенія „Ангель“ — „Ingel“, помѣщенный въ газетѣ „Sakala“ за 1890 годъ, и стихотворенія „Телѣга жизни“ — „Elusõit“, принадлежащій перу К. Аннилы и напечатанный въ газетѣ „Eesti Postimees“ за 1897 годъ (№ 30).

Уже въ XX столѣтіи (1903) переведено стихотвореніе „Если жизнь тебя обманетъ“ подъ заглавіемъ „Mööda läheb“ („Eesti Postimehe õhtused kõned“, 1903 г., № 21, стр. 264). Переводъ — превосходный, авторомъ его является Артуръ Саатъ (Arthur Saat). Приводимъ его цѣликомъ:

Если жизнь тебя обманетъ— Не печалься, не сердись! Въ день унынія смиришь: День веселья, вѣрь, настанетъ. Сердце въ будущемъ живетъ; Настоящее ушло: Все мгновенно, все пройдетъ; Что пройдетъ, то будетъ мило.	Kui sind vahest petab elu— Ära nuta, kurvaks saa; Usu: mööda läheb valu, Rõõmupäev saab tulema. Tulevikus elab süda, Olevik on udune; Kõik on üriike, läeb mööda, Kuid, mis mööda, armas see. *)
--	---

Юрьевъ.

Эрнстъ Нурмъ.

*) Окончаніе настоящей статьи, а именно обзоръ эстонскихъ переводовъ поэмъ, драматическихъ произведеній, повѣстей и разсказовъ Пушкина — въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Послѣднихъ Извѣстій“.

ВЪ РЕСТОРАНѢ „TEATER-KELLER“

во время антрактовъ можно получить всевозможныя горячія и
холодныя закуски.

Московскіе горячіе пирожки.

Прохладит. напитки.

НЕСЧАСТЬЕ.

РАЗСКАЗЪ.

Тянулась эта исторійка не меньше трехъ лѣтъ...

Студентъ-юристъ Вася чувствовалъ себя счастливымъ только тогда, когда приходилъ въ семью губернскаго агронома. Люди здѣсь были самые обыкновенные: папа, мама, старшая дочь — художница Соня и ея сестра — хохотушка Катя, гимназистка седьмого класса.

Кромѣ Васи, захаживали сюда и другіе студенты, и гимназисты, и ученики школы живописи. Почти каждый изъ нихъ мечталъ о любви, но ни Соня ни Катя никому не отдавали предпочтенія, и не было слышно въ этомъ домѣ ни о какомъ взаимномъ счастьѣ.

Больше рассказывали анекдоты или спорили о политикѣ. Катя остроумно высмѣивала своихъ кавалеровъ. Соня всегда говорила важно и холодно. Въ этомъ году она кончила школу живописи, на выставкѣ былъ купленъ одинъ изъ ея этюдовъ, по тогдашнимъ временамъ за большія деньги... Дальше Соня мечтала о Парижѣ и объ Ecole de beaux arts...

Ей до смерти надоѣли вздохи Васи, который мало понималъ въ искусствѣ и, какъ ей казалось, всегда очень глупо говорилъ о своихъ чувствахъ, и, наконецъ, онъ былъ на годъ моложе ея.

Иногда въ лунную ночь въ садикѣ Соня тихо покачивалась на качеляхъ, а Вася ходилъ кругомъ и говорилъ, говорилъ такъ, какъ вообще не говорятъ влюбленные:

— Вы послушайте. Вѣдь ваши папа съ мамой не могутъ дать вамъ средствъ на поѣздку за границу, а я въ этомъ году кончаю курсъ и получаю по завѣщанію моего отца въ полное распоряженіе восемь тысячъ годового дохода съ процентныхъ бумагъ... Мой отецъ былъ простой купецъ, но умный и распорядился какъ слѣдуетъ... Я росъ одинъ, въ семьѣ опекуна, который меня никогда не понималъ... Я никогда и никого не любилъ, кромѣ васъ, Соня, и не люблю... На Россію мнѣ тяжело глядѣть... Мы поженимся и уѣдемъ за границу... Вы будете дѣлать все, что вамъ угодно...

— Да поймите вы, что я-то, я васъ никогда не любила и не люблю...

— Это ничего не значить... Если вы встрѣтите человѣка, который вамъ понравится, ну, и даже больше чѣмъ понравится, — я молча отойду на задній планъ... Мало того, если онъ будетъ небогатъ, я постараюсь васъ обезпечить...

— Это все слова и слова...

— Нѣтъ, не слова. Я всегда исполняю то, что говорю...

— Можетъ быть, но все-таки всѣ ваши проекты — ерунда... Вотъ вы какъ-то изволили назвать себя фаталистомъ. Да, такъ неужели вы не чувствуете и не понимаете, что я и вы, это — именно тѣ люди, которымъ не суждено никогда быть близкими ни въ какомъ смыслѣ...

— А мнѣ кажется, что именно вся моя жизнь и даже смерть есть и будетъ только возлѣ васъ... Вы знаете, однажды я видѣлъ сонъ...

— Послушайте, вы — дуракъ...

— Можетъ быть, только вы мнѣ не дали договорить.

Одинъ на одинъ Соня бывала съ Васей мягче, но на людяхъ ей нравилось его унижать и третировать, какъ раба...

— Сходите въ лавочку и купите мнѣ халвы... Я бы хотѣла имѣть билетъ въ оперу на „Бориса Годунова“, только одинъ билетъ, а не два, ибо хочу слушать оперу, а не ваши вздохи.

И онъ исполнялъ все и безпрекословно, какъ исполняетъ точный и вѣрный солдатъ-денщикъ приказанія капризнаго офицера...

Отецъ Сони, Александръ Христофоровичъ, мягкій и молчаливый человѣкъ, считавшій дочь чуть ли не гениемъ, однажды сказалъ ей:

— Знаешь... Ты ужъ того... черезчуръ съ нимъ... Такъ нельзя...

— Ахъ, папочка, да вѣдь это же человѣкъ безъ всякаго самолюбія... Онъ — даже не мужчина... Онъ преданнѣе собаки, но онъ даже не собака...

— Конечно, не собака и потому...

— Папа, милый, право же, ты его мало знаешь...

Однажды весной въ домѣ агронома появилось новое лицо: молодой художникъ, французъ Шартъе, съ которымъ Соня познакомилась на вернисажѣ. Два раза онъ былъ приглашенъ къ обѣду, а затѣмъ нѣсколько вечеровъ просидѣлъ въ комнатѣ у Сони. И когда Вася вошелъ, то увидѣлъ, что художникъ положилъ Сонѣ голову на грудь и обнялъ за талію...

Французъ невольно отдернулся, а Соня не измѣнила позы и произнесла:

— О, не беспокойтесь... Это — свой...

И сейчасъ же другимъ, властнымъ голосомъ произнесла:

— Вася, соберите всѣ каталоги и альбомы, мы ихъ разсматривали и разбросали... Французскій „Салонъ“ отложите отдѣльно...

Вася молча принялся исполнять приказаніе и думалъ: „Странное дѣло, почему же у меня къ этому Шартъе нѣтъ ни малѣйшаго чувства ревности“... И сейчасъ же отвѣтилъ самому себѣ: „Онъ не любитъ ее — потому“...

Катя нашла, что французъ похожъ на чернаго пѣтуха, и голосъ у него пѣтушій, который она сейчасъ же великолѣпно изобразила.

Соня обидѣлась...

Предполагалось, что лѣтомъ Соня и месье Шартъе поѣдутъ вмѣстѣ на этюды въ Крымъ, и было похоже, что они собираются пожениться...

Но Вася и теперь не испугался, и, когда одинъ изъ школьныхъ товарищей Сони намекнулъ ему объ этомъ, Вася только махнулъ рукой и произнесъ:

— Ничего у нихъ не выйдетъ...

А самъ подумалъ: „Будетъ или моей, или ничьей“...

И дѣйствительно, въ началѣ іюня французъ получилъ какія-то двѣ телеграммы, а затѣмъ внезапно уѣхалъ...

Черезъ недѣлю всѣ о немъ забыли.

Надвигалось скучное городское лѣто. У отца Сони и Кати не хватало денегъ, чтобы переѣхать на дачу...

Вася додерживалъ послѣдніе государственные экзамены. Отъ занятій и отъ безнадежной любви

онъ очень похудѣлъ, носъ заострился, и все лицо его казалось коричневымъ. Катя говорила, что онъ сталъ похожъ на мумію фараона, и прибавляла, что когда Соня выйдетъ замужъ, то она будетъ звать ее фараоншей...

А та отвѣчала:

— Боже мой, какъ это неумно... Знаешь, мнѣ стыдно за сестру, которая кончаетъ гимназію и можетъ говорить такія глупости... Ну, сама подумай, ну, что можетъ быть у меня общаго съ этимъ идіотомъ, будь онъ хоть сто разъ Ротшильдъ...

— А все-таки всю твою жизнь проживешь только фараоншей и умрешь фараоншей, и положить васъ обоихъ въ одну могилу, т. е. въ одну пещеру въ пирамидѣ...

— Катя, я не нахожу словъ... Ступай лучше въ самомъ дѣлѣ зубрить исторію...

Въ день полученія диплома — это случилось въ концѣ іюня — Васѣ казалось, что теперь отношеніе Сони къ нему должно измѣниться къ лучшему.

Прямо изъ университетской канцеляріи онъ пошелъ не къ опекуну, какъ хотѣлъ, а къ Сонѣ...

Отворила дверь ея мать и недовольнымъ тономъ сказала, что Соня еще спитъ, Кати нѣтъ дома, а Александръ Христофоровичъ — на службѣ...

— Если хотите, обождите...

— Я дипломъ получилъ... ни съ того ни съ сего произнесъ Вася.

— А... Ну, поздравляю васъ, а мнѣ некогда, кухарка ушла, и я за нее справляюсь...

Вася остался одинъ въ столовой, снялъ съ вспотѣвшей головы уже не студенческую фуражку, а соломенную шляпу, вытеръ лобъ и въ сотый разъ принялся разсматривать голову Іоанна Крестителя Сониной работы... Постоялъ и прошелъ въ гостиную.

Слѣва черезъ дверь послышался голосъ самой художницы.

— Это вы?

— Я...

— Пойдите сюда, вы мнѣ нужны...

Безъ особаго волненія Вася отворилъ дверь въ полутемную комнату.

— Я еще лежу, но это ничего... Подымите-ка шторы... Какая сегодня погода?

— Хорошая... отвѣтилъ онъ и потянулъ за шнуръ синюю матерію...

— Иначе говоря, адова жара — произнесла Соня.

— Да, не холодно... А намъ сегодня дипломы выдали...

— Очень жаль, что ихъ выдаютъ даже такимъ субъектамъ, какъ вы...

Вася оглянулся и увидѣлъ голыя плечи, руку и часть груди Сони...

— Ну, нечего смотрѣть, вы для меня — не мужчина... Подайте-ка мнѣ со стула чулки и бѣлье... И выйдите вонъ или отвернитесь...

Онъ подалъ и пробормоталъ:

— Я отвернусь...

И когда, на самомъ дѣлѣ, повернулся къ ней спиной, то увидѣлъ въ зеркалѣ, какъ Соня начала не торопясь одѣваться, натянула одинъ чулокъ и спросила:

— Что же вы намѣрены дѣлать съ вашимъ дипломомъ?

— То, о чемъ я уже много разъ вамъ говорилъ, и вообще...

У него вдругъ пересохло во рту. Того, что позволила себѣ сегодня его мучительница, раньше никогда не случалось. И казалось несчастному, что это именно и есть начало его счастья...

Соня надѣла туфли и нижнюю юбку, встала и обѣими руками начала поправлять свои чудесные рыжеватые волосы, затѣмъ надѣла, но не застегнула на груди бѣленькую кофточку и сказала:

— Тамъ, въ столовой, на буфетѣ стоитъ кувшинъ съ молокомъ, хлѣбъ и масло, принесите-ка сюда...

Чуть пошатываясь, Вася пошелъ и принесъ.

— Можетъ, и вы хотите стаканъ молока? — спросила она.

— Я сегодня въ университетѣ видѣлъ Венеру Милосскую, фотографію со статуи, — такъ вы сейчасъ похожи на нее...

— Нѣтъ, вы положительно неисправимы — пробормотала Соня, но все-таки улыбнулась и нѣсколько инымъ тономъ спросила:

— Что же вы нашли общаго?

— Прическа такая, ну, и... и грудь такая, ну, и еще есть общее...

— А что?

— Она каменная, и вы каменная...

— Милостивый государь, да вы, кажется, начинаете говорить дерзости...

— Не знаю... Простите...

Въ комнату вошла Катя, съ недоумѣніемъ посмотрѣла на полуодѣтую сестру, поздоровалась съ Васей.

— Боже мой, какъ вы загорѣли и, ей Богу же, еще больше стали похожи на фараона... Ой, я умираю отъ жары и хочу переодѣться... Выйдите-ка, Вася, ибо я не фараонша...

Вася снова вышелъ въ гостиную и слышалъ, какъ Соня на какой-то вопросъ Кати быстро заговорила:

— Вотъ еще... съ нимъ стѣсняться... Ахъ, какія глупости... Онъ для меня — не мужчина, онъ такъ глупъ, что увѣренъ, будто бы послѣ полученія диплома и воистину сдѣлался мнѣ близкимъ; ну, и пускай себѣ думаетъ, что хочетъ...

— Да, но ты не станешь отрицать, что въ присутствіи всякаго другого мужчины ты бы не стала одѣваться...

— Ахъ, какая ты идіотка, я же тебѣ говорю, что онъ для меня — не мужчина...

— А кто же онъ такой? Собака?

— Если хочешь, его чувство скорѣе похоже на собачье...

Затѣмъ Вася услышалъ, какъ голосъ Кати немного по-дѣтски и съ подвизгиваніемъ почти крикнулъ:

— А все-таки ты его любишь!...

Въ отвѣтъ раздался цѣлый фейерверкъ самаго искренняго негодованія Сони:

— И ты, дурѣха, смѣешь думать, что если онъ будетъ богатъ, такъ я... я продамъ...

Катя вышла вся красная, а Соня — спокойная, въ бѣломъ платьѣ и, дѣйствительно, съ такой прической, какъ у Венеры.

Затѣмъ появилась изъ кухни съ подсученными рукавами мать Сони и Кати и позвала ихъ и Васю въ столовую завтракать...

Соня съѣла котлетку и сказала:

— Сегодня чудесное освѣщеніе, и я бы съ удовольствіемъ пошла за городъ, хотя бы на кладбище, и сдѣлала бы этюдъ, но меня пугаетъ эта невѣроятная жара. . .

— Ты никогда не будешь художницей настоящей, потому что ты — лѣнтяйка и много о себѣ думаешь, — выговорила нараспѣвъ Катя. . .

Была суббота, и къ вечеру пріѣхали ротмистръ Голубевъ и поручикъ Сидоринъ, оба — поклонники Кати. Зашелъ и художникъ Завойко, всегда съ улыбочкой говорившій о Сониномъ талантѣ.

Александръ Христофоровичъ привелъ съ собой молодого лѣсничаго, бывшаго въ первый разъ въ домѣ, красиваго, но ужасно застѣнчиваго блондина. Забѣжала еще Катина подруга, такая же злоязычица, Маруся. . .

Вечерній чай пили на верандѣ, выходившей въ небольшой садикъ.

Соня занялась лѣсничимъ, повела его въ свою комнату и показывала прикнопленные на стѣнахъ этюды, но вошелъ Александръ Христофоровичъ и взялъ молодого человѣка четвертымъ партнеромъ въ винтъ. Сѣлъ за зеленый столикъ и художникъ Завойко. . .

Соня явно злилась, ушла въ конецъ сада и вспрыгнула на привязанныя между двухъ деревьевъ самодѣльные качели. . .

Вася уже былъ здѣсь.

Катя, Маруся и два офицера въ бесѣдкѣ разсказывали анекдоты и такъ громко смѣялись, что изъ окна сосѣдняго дома какой-то старушечій голосъ прошамкалъ:

— Молодые люди, уже одиннадцатый часъ, а вы не даете спать. . .

Слышно было, какъ фыркнула въ отвѣтъ Катя и сейчасъ же тѣмъ самымъ голосомъ повторила ту же самую фразу. . .

А затѣмъ вся компанія начала шопотомъ обсуждать вопросъ, любить ли Соня Васю и согласится ли выйти за него замужъ. . .

— До сегодняшняго утра я думала, что это невозможно, — шептала Катя, — но затѣмъ случилось нѣчто такое. . . ну. . . заставившее меня переменить мысли, и сейчасъ я готова держать пари, что она рано или поздно будетъ фараоншей.

Ротмистръ Голубевъ закурилъ папиросу, при свѣтѣ спички посмотрѣлъ на Катю и сказалъ:

— Ваша сестрица очень хитрая, мнѣ кажется, что она только на людяхъ издѣвается надъ этимъ юристомъ, а сейчасъ вотъ, пожалуй, она говоритъ ему совсѣмъ другое; у меня на этотъ счетъ особый нюхъ. . .

Поручикъ Сидоринъ, занимавшійся хиромантіей, добавилъ:

— Да, я сегодня разсматривалъ руку Сони и совершенно отчетливо увидѣлъ линію, свидѣтельствующую о неискренности ея обладательницы. . . И затѣмъ вообще у нея линія жизни какая-то странная и обрывается очень странно. . .

— И вы, въ самомъ дѣлѣ, во всѣ эти глупости вѣрите! — взвизгнула Катя.

— Вѣрю. . .

Маруся прислушалась, подмигнула и вставила:

— Послушайте, а мнѣ сейчасъ даже показалось, будто со стороны Сони и Васи „раздался пррредательскій звукъ поцѣлуя“. . .

— Ну, врядъ ли. . . А впрочемъ. . .

И всѣ вдругъ замолчали.

Трепалъ кузнечикъ въ углу садика, въ един-

ственномъ мѣстѣ, гдѣ была высокая трава. . . Засвѣтился свѣтлякъ въ листьяхъ дикаго винограда, которымъ была увита бесѣдка. . . Поручикъ взялъ его, положилъ на ладонь и хныкалъ:

— Ну, зачѣмъ же ты потухъ, я же не собираюсь тебя обижать. . .

Пропѣлъ въ сосѣдней усадьбѣ пѣтухъ. Стало холоднѣе, и уже освѣтились верхушки деревьевъ еще невидимой луной. Пахло землей и сырмъ деревомъ. Видно было, какъ на верандѣ уткнулись въ свои карты винтеры.

Покачивалась на качеляхъ Соня, злилась и, не глядя на Васю, говорила:

— Вѣроятно, даже и папа воображаетъ, будто послѣ полученія вами диплома я, и въ самомъ дѣлѣ, рѣшила соединиться съ вами до самой смерти. . . и посадилъ за карты этого милаго лѣсничаго. . . Они всѣ съ ума сошли. . . Слышите, если вы — честный человѣкъ, вы, Василій Петровичъ, или какъ васъ тамъ, то вы должны вести себя такъ, чтобы каждому было ясно, что между вами и мною никогда и ничего общаго не можетъ быть. . . И если бы вы даже дѣйствительно были миллионеромъ, я бы и тогда хотѣла одного: ухъать отъ васъ на край свѣта. . . Вы завтра же должны начать себя вести иначе или попросту не приходите совсѣмъ. . . Вы меня компрометируете. . . Понимаете? Что жъ вы молчите?

Вася и вправду не зналъ и не понималъ, что ему говорить. Чувство огромной нѣжности въ этотъ моментъ смѣшалось съ огромной ненавистью. Такъ не понимаетъ песь, готовый на все для хозяина, когда тотъ ни съ того ни съ сего начинаетъ его выгонять изъ комнаты: „пшелъ вонъ“. . .

Но высказавшись, Соня вдругъ стала мягче и и уже другимъ голосомъ сказала:

— Ступайте принесите изъ моей комнаты теплый платокъ, конецъ іюня, а вечера холодные точно въ апрѣлѣ. . . Господи, да когда же эти винтеры кончатъ! . .

Вася молча пошелъ и принесъ платокъ. Луна уже поднялась изъ-за крыши, и все кругомъ казалось голубоватымъ, а волосы Сони — серебряными.

Накинувъ платокъ на плечи, она сдѣлала сильное движеніе и качнулась такъ, что обнажились чулки выше колѣна, и мелькнулъ кусочекъ тѣла, и спросила:

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, любите меня?

— Сейчасъ? . .

— Да, сейчасъ. . .

— Вы хотите, чтобы я отвѣтилъ вполне искренно?

— Да.

— Сейчасъ почти ненавижу, но въ то же время знаю, что вы не виноваты такъ же, какъ и я, это, т. е. любовь и ненависть — не отъ насъ. . .

— Вы говорите глупости. . .

Вася сѣлъ на скамеечку и закурилъ папиросу. Какъ мелкія облачка бѣжали мысли. Хотѣлось смотрѣть на небо и просить Невѣдомаго и Великаго:

— Ну, что Тебѣ стоитъ, сдѣлай такъ, чтобы ея сердце стало человѣческимъ, чтобы она поняла, что никто и никогда не будетъ ее такъ жалѣть, и что я — единственный, который могу теперь дать ей возможность и поухать за границу, и жить, и учиться такъ, какъ ей хочется. . . Сдѣлай такъ, чтобы и моя и ея жизнь пошли вмѣстѣ до самой смерти. . . И если Ты слышишь молитву мою, то пусть Соня сейчасъ сойдетъ съ качелей и сядетъ рядомъ. . .

Онъ вдругъ самъ испугался своей молитвы и почувствовалъ, какъ холодная дрожь пробѣжала по его тѣлу отъ плечъ до ногъ. Дернулъ плечами и сейчасъ же мысленно сказалъ себѣ: „Я дѣйствительно — или дуракъ, или сумасшедшій, и такого любить нельзя“...

— Возьмите платокъ — крикнула Соня и бросила ему въ лицо пушистую матерію...

Затѣмъ соскочила на землю, сѣла рядомъ съ Васей и произнесла:

— А теперь мнѣ жарко.

И опять у него сами собой дрогнули плечи, и пробѣжалъ по спинѣ тотъ же холодокъ... И не было словъ...

Наконецъ, съ веранды раздался женскій голосъ:

— Ужинать, ужинать... Господа, молодежь, ужинать...

Винтеры, позвякивая монетами, рассчитывались.

Вася очнулся только тогда, когда сѣвшій съ нимъ рядомъ штабсъ-ротмистръ Голубевъ спросилъ:

— Вамъ налить водки?

— Да.

— Бѣлой или померанцевой?

— Все равно.

— Вы, кажется, сегодня дипломъ получили?

— Да.

— Господа, предлагаю выпить за вновь произведеннаго юриста — пробасилъ ротмистръ.

И всѣ начали съ Васей чокаться, не чокнулась одна Соня. Но теперь онъ только посмотрѣлъ въ ея сторону и даже улыбнулся. Зато Катя почему-то была особенно внимательной и даже ни разу не назвала его фараономъ.

Послѣ ужина Соня снова занялась лѣсничимъ и, придвинувшись слишкомъ близко, начала рассказывать, какъ на послѣдней выставкѣ нѣкоторыя картины оказались совсѣмъ безъ освѣщенія — такъ неумно ихъ развѣсили...

— Да, это, конечно, неприятно — отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Затѣмъ Соня увела его въ садъ искать свѣтляковъ...

Вася не почувствовалъ ни малѣйшей ревности, разыскавъ свою новую соломенную шляпу и вышелъ на улицу... За ужиномъ онъ выпилъ три рюмки водки и много пива, но голова была свѣжа, только хотѣлось улыбаться, и не было страшно ни прошедшаго ни будущаго...

Спалъ онъ въ эту ночь крѣпко и ничего не видѣлъ во снѣ...

Утромъ долго и тщательно одѣвался, затѣмъ пошелъ побрился и автоматически направился снова къ дому родителей Сони.

По дорогѣ встрѣтилъ окончившаго съ нимъ университетъ Володьку Попова, тотъ зналъ о Васиной страсти и шуточно спросилъ:

— Къ ней?

— Къ ней.

— Повадился кувшинъ по воду ходить — тамъ ему и голову сложить...

— Ничего не буду имѣть противъ.

— Странный ты человѣкъ, вѣдь эта самая Соня, съ позволенія сказать, плевать на тебя хотѣла...

— Поживемъ, увидимъ...

— Ну, дай тебѣ Богъ...

И распрощались.

По случаю воскресенья и папа съ мамой и Катя были дома и какъ будто встрѣтили Васю болѣе привѣтливо, чѣмъ всегда. Соня вышла только къ обѣду.

Было очень жарко, и на всѣхъ окнахъ спущены шторы. Въмѣсто супа подали окрошку со льдомъ и лососиной...

— Ну, здесьте... протянула Соня, увидѣвъ Васю. — И какъ это вы можете ходить по улицамъ въ такую духоту?..

Потомъ сѣла, положила обѣ руки на столъ и тѣмъ же тономъ пропѣла:

— Мамочка, я умираю отъ жары и ничего не могу ѣсть...

— Ну, такъ и не ѣшь...

— Ахъ, папочка, знаете, ужъ и вашъ лѣсничій... Скучнѣе не видала человѣка, и вообразите, онъ думалъ, что Врубель и Сѣровъ, это — одно и то же.

Вася чуть улыбнулся.

— А вы чего смѣетесь? Тоже недалеко ушли...

Но тарелку окрошки все-таки сѣла и выпила три стакана холоднаго квасу. Послѣ обѣда отецъ ушелъ въ кабинетъ подремать, а мать собиралась варить варенье въ саду. Соня сѣла въ гостиной на диванъ и говорила Катѣ:

— Какъ ты не понимаешь, что быть хорошо причесанной, это, пожалуй, — еще важнѣе, чѣмъ со вкусомъ одѣться... Ну, скажи на милость, ну, кто же теперь начесываетъ на лобъ эту ужасную гривку, вѣдь это — прошлое столѣтіе... А ты и безъ того еще узколобая...

— Скажи, чего ты злишься? — спросила Катя.

— Злюсь, потому что жарко, потому что всѣ товарищи по школѣ разѣхались... Хочется работать и не съ кѣмъ пойти за городъ, чтобы написать этюдъ...

Стоявшій у окна Вася обернулся и хотѣлъ что-то сказать. Соня замѣтила его движеніе:

— Ужъ только не съ вами...

— Такъ я же ничего и не говорю...

— Я не понимаю, зачѣмъ вы вообще явились...

— Соня, ну, какъ тебѣ не стыдно — сказала Катя.

— А такъ и не стыдно...

— Знаешь, ты — немножко истеричка.

— Не говори пошлостей.

И всѣ замолчали.

Сквозь щель шторы пробился свѣтовой горячій лучъ и золотилъ волосы на головѣ Сони. Лицо ея было необычно блѣднымъ, глаза казались холодными, безъ блеска... Грудь дышала неровно, черезъ сѣрый шелковый чулокъ просвѣчивали на ногѣ голубья жилки, правая лакированная туфелька чуть отстала отъ пятки...

Вася искоса глядѣлъ и думалъ: „Господи, и зачѣмъ же она вся такая красивая, особенная“...

Къ пяти часамъ духота уменьшилась. Подняли шторы и открыли окна. Видно было, какъ по небу плывутъ сѣрыя облачка, и шевелятся листочки на молодыхъ тополяхъ, посаженныхъ на краю тротуара...

Пришла мама и позвала всѣхъ на веранду

пить чай со свѣжимъ клубничнымъ вареньемъ... Когда сѣли за столъ, она особенно привѣтливо спросила:

— А вы что же, Василий Петровичъ, на лѣто куда не думаете ѣхать?.. Вѣдь теперь вы вполне самостоятельный и свободный человекъ...

— Куда же я поѣду? Въ Италию — такъ тамъ теперь еще жарче, да и, наконецъ, я совсѣмъ одинъ...

Помолчали. Мать глубоко вздохнула.

— Я знаю, о чемъ ты вздыхаешь, — сказала Соня, — но этого никогда не будетъ...

— И ничего ты не знаешь...

И, чтобы не начинать непріятнаго разговора, добавила:

— А вотъ, кажется, скоро пойдетъ дождь, скрылось солнце, и вѣтерокъ подымается...

— Этого еще не доставало. Я сегодня непременно пойду на кладбище писать этюдъ, тамъ есть такой старинный, желѣзный, весь ржавый и покосившійся крестъ; на фонѣ молодой зелени онъ очень значителенъ...

И какъ всегда, когда Соня говорила о живописи, ея голосъ сдѣлался вдругъ живымъ и ласковымъ...

— Сейчасъ пойду, нужно ловить моментъ, пока не жарко, и сегодня заходъ солнца будетъ красивый.

Вася вдругъ повеселѣлъ и произнесъ:

— А я понесу ящикъ съ красками.

И совсѣмъ неожиданно услышалъ въ отвѣтъ:

— Ну, ужъ такъ и быть — несите...

Собрались очень быстро.

— Мама, какъ ты думаешь, брать зонтикъ? — спросила Соня.

— Бери, бери.

— Ну, хорошо... Все равно онъ понесетъ... Вы — мое несчастье, Вася, куда отъ васъ нельзя спрятаться... Но помните, что сегодня мы идемъ вмѣстѣ въ послѣдній разъ...

Катя затворила за ними двери и сказала матери:

— Какая-то она странная сегодня, наша Соня, и этотъ „несчастье“ — почему-то у него счастливый видъ, а ужъ и мучаетъ же она его... Почему онъ все терпитъ? Мнѣ кажется, что Соня наединѣ поетъ ему совсѣмъ другія пѣсенки; если бы это не было скверно — я бы подслушала...

Мать снова вздохнула и отвѣтила:

— Милая моя, въ этихъ дѣлахъ, кромѣ нихъ двухъ, никто ничего не знаетъ...

До кладбища художница и Вася ѣхали въ трамваѣ и за всю дорогу не сказали ни слова. Затѣмъ пѣшкомъ направились къ желѣзнодорожному пути и перешли плотно сбоку закрытаго барьера. Съ той стороны, изъ-за бѣлой будки показался хохоль-сторожъ Терешко и закричалъ:

— Шо вы дѣлаете?.. Курьерскій идетъ, а выны переходятъ путь... Къ чому жъ я закрываю шлахбаумъ...

И въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ же слѣва показался короткотрубый длинный паровозъ и пронесся вмѣстѣ съ вагонами такъ, что все кругомъ затряслось, и за послѣднимъ вагономъ полетѣли, пере-

кручиваясь въ воздухѣ, какіе-то листья и клочки газетной бумаги...

Возлѣ самыхъ кладбищенскихъ воротъ встрѣтили пустой возвращающійся катафалкъ и не обратили на него вниманія... Затѣмъ поднялись въ гору и свернули влѣво, куда-то къ очень старымъ могиламъ...

Соня долго не могла найти свой крестъ и снова начинала злиться:

— Да неужели же его убрали?.. Этакіе идиоты.

Наконецъ, увидѣла, обрадовалась и начала обдумывать, какъ и съ какой стороны сѣсть, чтобы освѣщеніе было поярче...

Вася нѣсколько разъ переносилъ съ мѣста на мѣсто складной стульчикъ...

Соня быстро прочертила контуръ, выдавила на палитру нѣсколько красокъ и принялась за работу.

И сейчасъ же ее щеки порозовѣли, а глаза заблестѣли...

Изъ-за тучъ выглянуло солнце, прошлогодніе желтые листья на землѣ стали ярче, а новые на деревьяхъ и вся трава — зеленѣе. Весь крестъ казался фіолетовымъ, а мохъ на немъ — голубоватымъ.

Во время работы Соня любила разговаривать, и это ей не мѣшало...

— Вотъ и вы, и мама, и моя сестрица не понимаете, почему я сержусь... Да потому, что я въ каждомъ ихъ словѣ слышу вопросъ: что я намѣрена дѣлать, выйдутъ ли за васъ замужъ и люблю ли васъ?.. Я имъ клялась, что вы мнѣ, и какъ женщинѣ и просто какъ человекъ, были, есть и будете чужой, что вы — не мое счастье, а мое несчастье... И вообразите, не вѣрятъ... Вотъ и сегодня я бы дала не знаю что, чтобы вмѣсто васъ мои краски несъ какой-нибудь босоногій мальчишка... А онъ уже тамъ рѣшаютъ: пошли вмѣстѣ, значитъ... А что значитъ, и сами не знаютъ... Ой, какъ тяжела мѣщанская обстановка, а вы — тоже мѣщанинъ... Да...

— Мнѣ кажется, что я — кто угодно, только это...

— Именно это... Вы мечтаете о квартирѣ въ четыре комнаты и о двухъ кроватяхъ, и чтобы на одной изъ нихъ лежала я, готовая къ вашимъ услугамъ...

Вася вдругъ загорячился:

— То, что вы говорите, — хуже оскорбленія, потому что если вообще можно любить за что-нибудь, такъ я васъ люблю именно за эту ненависть къ четыремъ комнатамъ и двумъ кроватямъ...

Соня сдѣлала мазокъ, откинула голову назадъ, прищурилась и произнесла:

— Что-то мнѣ плохо вѣрится...

Далеко прокатился громъ, точно очень далекій артиллерійскій залпъ...

Соня поглядѣла на небо и на сизую тучу, быстро подплывавшую къ уже низкому солнцу.

— Это мнѣ не нравится...

Заработала быстрѣе и больше ничего не говорила.

Гдѣ-то въ небѣ еще разъ прогреготало. Весъ

воздухъ какъ будто потемнѣлъ... Ближнія деревья зашумѣли...

— Ахъ, не придется кончить... крикнула Соня. — Ну его къ чорту, этотъ дождь...

Точно въ отвѣтъ упало съ неба нѣсколько тяжелыхъ капель.

— Ну, раскройте зонтикъ.

И начала быстро закладывать въ ящикъ палитру и холстъ...

— Да берите же табуретъ, вѣдь у васъ двѣ руки... Скорѣе... Хотя у сторожа въ будкѣ гдѣ-нибудь спрячется... Идите же...

И подъ вдругъ усилившимся ождемъ они почти побѣжали, спотыкаясь.

Возлѣ глубокихъ каменныхъ воротъ остановились, но дождь забивалъ сбоку...

— Идемте къ желѣзнодорожному сторожу— крикнула Соня и побѣжала.

Громяхая болтавшимися въ ящикѣ красками, побѣжалъ за ней и Вася.

Вокругъ шумѣлъ сплошной грозовой ливень. Желѣзнодорожный шумъ оказался снова опущеннымъ.

— Да его же вы стали? Обходите кругомъ мимо столбика... Слышите...

Вася молча рванулся за ней на путь и на одну секунду увидѣлъ справа буфера паровоза, инстинктивно подался назадъ, но что-то его толкнуло на ухватившуюся за его лѣвую руку Соню... И оба повалились на рельсы.

Поѣздъ былъ товарный, и останови въ его удалось только тогда, когда по трупамъ проѣхало не меньше двадцати вагоновъ...

Подъ ливнемъ засуетились люди. А черезъ десять минутъ уже была и полиція. И тотъ самый желѣзнодорожный сторожъ Терешко, который на нихъ кричалъ часъ назадъ, говорилъ околоточному надзирателю:

— Похоже на то, што воны по согласію хотѣли это сдѣлать еще и раньше, — подъ курьерскій... Но я не допустилъ... Напугалъ ихъ, воны и пошли дальше, не иначе какъ на кладбище...

Во вторникъ утромъ черезъ этотъ же самый переѣздъ медленно двигались два катафалка, за которыми шли отецъ Сони и мать съ Катей.

Желѣзнодорожный сторожъ Терешко на нѣсколько минутъ снялъ свою барашковую шапку и присоединился къ процессіи...

Когда послѣ погребенія родные возвращались заплаканные, съ искаженными, опухшими лицами, Терешко не вытерпѣлъ, подошелъ къ Сониной матери и, видимо, желая утѣшить, снова сказалъ:

— Это не иначе какъ по согласію... Воны хотѣли это сдѣлать и раньше—подъ курьерскій, да я не допустилъ...

Парижъ.
29 мая 1924 г.

Борисъ Лазаревскій.

Г. Г. Рахматовъ

въ роли Варлаама („Борисъ Годуновъ“).

(Автопортретъ-шаржъ).

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.		Стр.
Игорь Сѣверянинъ. 125 (стихотвореніе) . . .	3.	Проф. А. К. Баювъ. Пушкинъ, какъ поэтъ войны	19.
Борисъ Лазаревскій. Мысли о Пушкинѣ . . .	3.	Антонъ Ашкерцъ. Памятникъ юному Пушкину въ Царскомъ Селѣ (стихотвореніе). Переводъ со словенскаго Сергѣя Штейна	23.
Александръ Яблоновскій. Наружность Пушкина. Отецъ Пушкина. Сынъ Пушкина.	7.	А. С. Изгоевъ. Пушкинъ и современность	23.
Ярославъ Воиновъ. 25 лѣтъ назадъ. Мысли и воспоминанія	10.	Новооткрытое письмо Пушкина	26.
В. Л. Бурцевъ. „Памятникъ“	13.	Эрнстъ Нурмъ. Пушкинъ въ эстонскихъ переводахъ	27.
Проф. Ю. Д. Филипповъ. Памяти Пушкина	16.	Борисъ Лазаревскій. Несчастье. Разсказъ	29.
Проф. Э. Н. Берендтсъ. Что даетъ Пушкинъ государствовѣду?	17.		

Перепечатка безъ указанія источника воспрещается.

ли 25

Столичный портной

МАКСЪ ЮГАНСОНЪ

Мал. Вышгородскій подъемъ, № 6

Получена большая партія
англійскихъ матеріаловъ
къ наступающему сезону

М. ТИГАНЕ и Ко.

СТАРО-ПОЧТОВАЯ УЛИЦА, ДОМЪ № 8.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА
ИЗЯЩНЫЯ МУЖСКІЯ
ПЛАТЬЯ И ДАМСКІЯ
∴ ВЕРХНІЯ ВЕЩИ. ∴

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

В. ДЕМИНЪ

ОСНОВ. 1826

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ.

ГАСТРОНОМІЯ.

ГРОМАДН. ВЫБОРЪ. ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Maitsevamad paberossid
on A.-S. „ASTORIA“

SULEIKA

**XTRA-EXTRA
GRAND LUXE
TOLLI**

Вкуснѣйшія папиросы
въ Эстоніи

есть папиросы А.О. „АСТОРІЯ“:

СУЛЕЙКА

**ЭКСТРА-ЭКСТРА
ГРАНДЪ ЛЮКСЪ
ТОЛЛИ**

ЧАСЫ „ZENITH“,

побѣдившіе на многочисленныхъ мировыхъ конкурсахъ, являкся точнѣйшими и наилучшими часами въ мірѣ. Единственный представитель всемірно-извѣстныхъ часовъ фабрикъ „ZENITH“ и GEORG FAVRE JACOT для Эстоніи

Л. Ароновичъ

Новая ул., 28. Телефонъ 17-05.

Обращаю вниманіе уважаемыхъ покупателей на то, что на послѣднемъ конкурсѣ 1923 года часы „ZENITH“ опять побіли небывалый и никѣмъ еще недостигнутый на швейцарскихъ и интернаціональныхъ конкурсахъ рекордъ.

Богатѣйшій выборъ какъ часовъ, такъ и всевозможн. ювелирн., золот., серебр. и хрустальныхъ вещей. Цѣны умѣренныя. Желаящимъ выдаются бесплатно проспекты о результатахъ точности, достигнутой на мировомъ конкурсѣ.

Спеціальныи магазинъ

ГОТОВЫХЪ
ДАМСКИХЪ
НАРЯДОВЪ

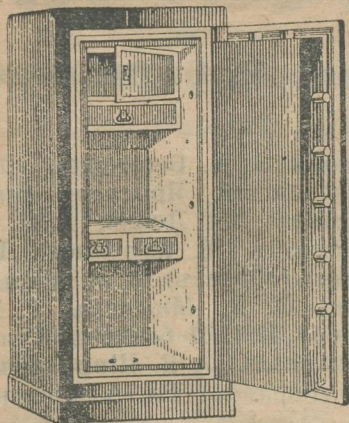
I. СААРЪ

Ревель, Нарвская, № 19.

Элегантныя дамскія платья, блузы, юбки и проч. всегда въ большемъ выборѣ. Цѣны вѣ ∴ конкуренціи. ∴

ФИЛИППЪ ШЕФЕРЪ

РЕВЕЛЬ, HARJU TÄN., 21. ТЕЛЕФ. 12-12.

КАНЦЕЛЯРСКІЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Представительство на ариомометры:

„Дальтонъ“, „Ганновера“, „Липсія“.

Пишущія машины „Ундервудъ“,

множители „Монаксъ“.

Финскіе несгораемые шкафы „Меривара“.

СОБСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ ДЛЯ
РЕМОНТА КАНЦЕЛЯРСКИХЪ МАШИИНЪ.

ТОРГОВОЕ Т-ВО

МЕЙ и ЛАНДЕЗЕНЪ

Ревель, Глиняная ул., 9. Телеф. 14-36.

ПРЕДЛАГАЕТЪ ОПТОМЪ и въ РОЗНИЦУ:

Химическ. продукты, аптекарск. и техническіе

Москательн. товаръ, перевязочн. материалъ

Минеральныя воды 1924

Резиновый товаръ

Шприцы Рекоръ-Луера и Проватца

Аптекарскую стеклянную посуду

Ладонъ капонецъ и росной, лампадное

масло

Воскъ пчелиный и японскій, церезинъ,

парафинъ, глицеринъ.

Машинныя и цилиндровыя масла, касторовое масло

Прованское масло 1-а, скипидаръ и бензинъ

Купоросное масло, соляную и карболовую кислоту

Анилиновыя краски, американск. автомобильныя краски

„Эффекто“. — Голландскіе и англійскіе масляные лаки

и всѣ сухіи и на маслѣ тертыя МАЛЯРНЫЯ КРАСКИ

лучшаго качества.

ДО СВѣДѢНІЯ УВАЖАЕМОЙ ПУБЛИКИ

доводится, что въ кафе-столовой „Кирштейнъ“, Новая ул., 48, по примѣру заграничныхъ кафе и столовыхъ отмѣнены чаевыя.

Надѣюсь, что сіе нововеденіе будетъ одобрено уважаемой публикой, и что послѣдняя въ будущемъ почтитъ мое кафе-столовую своимъ посѣщеніемъ, остаюсь

съ полнымъ уваженіемъ

В. КИРШТЕЙНЪ.

РЕВЕЛЬ, НОВАЯ УЛИЦА, № 48.

ОПЫТНАЯ АРТЕЛЬ ЗЕМЛЕКОПОВЪ

ПРИБЫЛА ИЗЪ ПЕЧОРСКАГО КРАЯ И
СРОЧНО ИЩЕТЪ
РАБОТЫ

СООБЩИТЬ ВЪ КОНТОРУ
ГАЗЕТЫ ДЛЯ
КОСТЯНЕВА

ДНЕВНИКЪ члена Госуд. Думы В. М. Пуришкевича съ 18 фотографіями и комментаріями въ 5 част.:
I. На политической аренѣ.

II. Заговоръ. III. Какъ я убилъ Распутина.

IV. Политическая сатира 1894 — 1918 г. г.

V. Факты и слухи.

На фонѣ крушенія могущественной и величайшей имперіи и на заревѣ невиданной еще въ мірѣ по пролитой крови братоубийственной революціи проходитъ передъ читателемъ среди придворныхъ интригъ и политической свистопляски цѣлая галерея историческихъ лицъ: государя, его семьи, великихъ князей, министровъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей и многихъ другихъ.

ЦѢНА — ам. дол. 0,85.

Съ заказами обращаться въ издат. и книжный и нот. складъ „Националь-Реклама“ — Рига, Дерптская, 50, или почт. ящ. 566.

„ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ”

(5-ый годъ изданія)

выходятъ ежедневно въ Ревель подъ редакціей **Р. С. Ляхницкаго.**

Въ газетѣ принимаютъ участіе:

Заслуженный профессоръ В. Г. Алексѣевъ (Юрьевъ), профессоръ Э. Н. Берендтсъ (Юрьевъ), Вл. Л. Бурцевъ (Парижъ), Аркадій Буховъ (Ковна), А. И. Владовскій, Ярославъ Воиновъ, Сергѣй Горинъ, Е. Ф. Григорьева, профессоръ Р. К. Гутманъ (Юрьевъ), А. Г. Долль, А. С. Изгоевъ (Прага), С. Карачевцевъ (Рига), В. И. Куламма, профессоръ М. Курчинскій, Борисъ Лазаревскій (Парижъ), Леонидъ Лучининъ, профессоръ Л. К. Мазингъ (Юрьевъ), К. М. Маркеловъ, пр. юрьевского университета А. П. Мельниковъ, Мих. Мироновъ, Э. В. Мюллеръ, Г. Г. Рахматовъ (худож.) Игорь Сѣверянинъ, профессоръ Ю. Д. Филипповъ, Н. Н. Чбышевъ (Бѣлградъ), А. В. Чернявскій (Александръ Черниговскій) А. А. Шеляховскій (Бѣлградъ), А. В. Широковъ (Бѣлградъ), приватъ-доцентъ С. В. Штейнъ, Александръ Яблоновскій (Берлинъ), Ел. А. Яронъ и др.

Представитель редакціи въ Юрьевѣ — прив.-доц. С. В. Штейнъ (Обводная ул., 18, тел. 6-26). Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ издательства (Ревель, Ратушная пл., 17, тел. 18-88) и въ редакціи (Вышгородскій бульваръ, 17-а, тел. 20-40), а также:

въ Перновѣ — у С. И. Обухова (Карусельная, 51),

въ Верро — издательство „Тяхтъ”,

въ Нарвѣ — у Г. М. Румянцева (Большая, 19),

въ Печорахъ — въ книжной торговлѣ Пирисильда,

въ Юрьевѣ — у А. Е. Бѣлокурова (комитетъ русскихъ эмигрантовъ, Яковлевская ул., 22, кв. 3, близъ университета),

въ Ригѣ — у Эд. Пецгольца (Skupa eela, 16), и

Б. Цимлова, (Александровская. 7.), въ Келломякахъ

(Финляндія) — у представителя страх. о-въ „National“ и

„Nordhern“ А. Рейхе, въ Бѣлградѣ — у А. А. Шеляхов-

скаго (Београдска ул. бр. 25 Хидротехнички Одевакъ).

Подписка принимается и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ Эстоніи.

ТИПОГРАФІЯ В. БЕЙЛИНСОНЪ

Снабжена согласно послѣднему слову современной техники новѣйшими скоропечатными и др. машинами и новѣйшими шрифтами. Заказы исполняются на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Особенное вниманіе обращено на скорость, аккуратность и изящность работы. Принимаются заказы на всевозможныя работы, какъ-то: книги, журналы, газеты, афиши, бланки, конторскія книги, счета, визитныя карточки и т. д.

Цѣны внѣ конкуренціи.

Ревель, Б. Юрьевская, № 34. Тел. 21-57.

„Русская Книга“

Въ книжномъ магазинѣ „Русская Книга“
въ Ревелѣ (Королевская ул., 3) продаются слѣдующія
сочиненія Пушкина и о Пушкинѣ:

Пушкинъ.	Полное собраніе сочиненій въ I т. Изд. Павленкова, 1907 г. (въ переплетѣ) — цѣна 650 мар.	Изд. „Мысль“, 1921 г. — 60 мар.
Пушкинъ.	Полное собр. сочиненій въ I т. Изд. Вольфа (въ перепл.) — 750 мар.	Капитанская дочка. Изд. „Литература“, 1921 г. — 40 мар.
Пушкинъ.	Полн. собр. сочиненій въ 4 т. Изд. Ладыжникова, 1921 г. (брош.) — 720 мар.	Капитанская дочка. Изд. „Наша Рѣчь“, 1920 г. — 40 мар.
Пушкинъ.	Полн. собр. сочиненій въ 6 т. Изд. „Слово“, 1922 г. Брош. — цѣна 900 мар., въ перепл. — 1800 мар.	Мѣдный всадникъ. Изд. „Орхисъ“, 1922 г. — 135 м.
Пушкинъ.	Графъ Нулинъ. Домикъ въ Коломнѣ. Анджемо. Изд. Ладыжникова, 1921 г. — 40 мар.	Сказка о рыбацкѣй и рыбацкѣй. Изд. О. Дьяковой. Роскошн. изд. съ рисунками въ краскахъ Шлихта (брош.) — 350 мар.
„	Борисъ Годуновъ. Изд. Ладыжникова, 1921 г. — 60 мар.	Сказки. Изд. Ладыжникова, 1921 г. — 45 мар.
„	Борисъ Годуновъ. Изд. „Культура“, 1921 г. — 60 м.	Сказки. Изд. „Литература“, 1921 г. — 25 мар.
„	Дубровский. Изд. Ладыжникова, 1921 г. — 60 м.	Скупой Рыцарь. Ревель, 1922 г. — 15 мар.
„	Евгеній Онѣгинъ. Изд. „Литература“, 1921 г. — 40 м.	Пиковая дама. Изд. „Нева“, 1921 г. — 210 мар.
„	Евгеній Онѣгинъ. Изд. Голике и Вильборгъ. Роскошн. изд. съ рисунками Самокишъ-Судковского — 600 мар.	Пиковая дама. Изд. „Литература“, 1921 г. — 15 мар.
„	Исторія Пугачевского бунта.	Повѣсти Бѣлкина. Пиковая дама. Изд. Ладыжникова, 1921 г. — 65 мар.
		Потаенная тетрадь. Изд. Писателей, 1923 г. — 80 м.
		Table talk. (Розказни за столомъ). Изд. Писателей, 1923 г. — 60 мар.

Rusckiniana.

Дневникъ А. С. Пушкина. Труды Румянцевскаго музея, 1923 г. — 1600 м.	Осмоловскій. Русская словесность въ историческомъ ея развитіи, ч. IV. Изд. Вальтерсъ и Рапа, 1923 г. (имѣется обширный отдѣлъ, посвященный Пушкину) — 160 мар.
Мякотинъ. А. С. Пушкинъ и декабристы. Изд. „Ватага-Пламя“, 1923 г. — 65 мар.	„Ученыя Записки“, основанныя русской учебной коллегіей въ Прагѣ. Т. I, вып. II (имѣется статья проф. Вернадскаго „Пушкинъ, какъ историкъ“) — 425 мар.
Очерки по поэтикѣ Пушкина. Изд. „Эпоха“, 1923 г. — 240 мар.	„Окно“. Литературный сборникъ, т. 3. (имѣется статья Гофмана „Неизданныя рукописи Пушкина“) — 380 мар.
Несторъ Котляревскій. Холмы Родины. Изд. „Обелискъ“, 1923 г. (имѣется статья о Пушкинѣ) — 150 мар.	
Саводникъ. Исторія русск. литер., ч. I. Изд. Оренштейна, 1923 г. (обширный отдѣлъ посвященъ Пушкину) — 330 мар.	

PV $\frac{B}{80}$ 24,149

Талантливыми станутъ всѣ,
которые съ малыхъ лѣтъ ѣдятъ
шоколадъ

